

Съ театра войны.

Письмо священника 51-го драгунскаго полка о. Митрофана Серебрянскаго).*

Глубокопочитаемый о. Ректоръ!

Помня ваше всегда неизмѣнно доброе ко мнѣ отноше-
ніе, захотѣлось поговорить съ вами и послать вѣсть о себѣ
изъ страны далекой! По милости Божіей и вашимъ св. мо-
литвамъ мы благополучно прибыли 17 іюля на ст. „Янтай“,
въ 25-ти вер. отъ г. Ляояна, всѣ живы и здоровы; лошадей
нало только три. 17 же вечеромъ подъ темнымъ звѣзднымъ
небомъ, прямо въ полѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ япон-
цевъ я служилъ для полка обѣдницу, всѣ пѣли.. Можете
представить, какія чувства волповали меня и всѣхъ во вре-
мя этой молитвы?!? 18—съ 4 ч. утра начался нашъ походъ,
я съ обозомъ выступилъ утромъ 19-го при 52° жарѣ, пыль
такая, что съ трудомъ дышали черезъ носъ. Кругомъ Бай-
кала и теперь я ѣду верхомъ, сталъ привыкать, а сначала

* Помѣщаемое здѣсь письмо прислано о. Митрофаномъ Серебрян-
скимъ Ректору Семинарія, прот. В. А. Сахарову.

такъ ноги болѣли, что валился съ сѣдла. Съ утра шли до часу ночи, такихъ страданій отъ жары и жажды никогда еще не испытывалъ въ жизни.

Теперь полкъ стоитъ около Ляояна на передовыхъ позиціяхъ противъ японцевъ, а я живу въ китайской кумирнѣ сорока боговъ, идоловъ масса, а также сѣрыхъ скорпионовъ, которыхъ мы страшно боимся, укусить—почти вѣрное смерть. За эту недѣлю поймали болѣе десяти скорпионсвъ.

Китайцы производятъ на насъ впечатлѣніе дикарей болъшинство полуголые, дѣтишки въ деревняхъ совершенно безъ одежды, народъ вообще жадный, грязный. Религиозности не замѣтно среди нихъ, храмы въ грязи, пыли. рѣдко посѣщаются. Три послѣдніе дня шли страшные дожди. все разлилось, образовалось множество зловонныхъ болотъ и всѣ переболѣли лихорадкой. Господи, когда мы вернемся опять въ нашу милую Россію?!.. Завтра уѣзжаю на позицію. нашъ полкъ теперь въ 3-хъ вер. отъ непріятеля. Ожидается страшный бой!

Еще разъ прошу вашихъ св. молитвъ. Привѣтъ и благословеніе Вашему семейству и всѣмъ, кто зналъ меня изъ корпораціи!

Истинно почитающій васъ

Священникъ *Митрофанъ Серебрянскій.*

1904 г. Юля 30 д.

г. Ляоянъ.

Я В О Й Н Ъ .

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго *).

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

11 Іюня 1904 года.

5½ час. утра, пора на вокзалъ, играетъ полковая музыка „Всадники-друзи, въ походъ собирайтесь“...

Итакъ наступила минута бросить все родное, что такъ любишь, для чего тратилъ силы: семью, жену, родителей, родныхъ, духовныхъ дѣтей, церковь, школу, домъ, бібліотеку... охъ, Боже мой, какъ тяжело... болью въ сердцѣ ото-

* Дневникъ о. Митрофана Серебрянскаго печатается съ согласія докторимаго автора, которое онъ выразилъ въ письмѣ своемъ Ректору семинаріи Протоіерею В. А. Сахарову. Въ этомъ дневникѣ о. Митрофанъ подробно изображаетъ свою жизнь и пастырскую дѣятельность въ периодъ для мирнаго пастыря Церкви обстановки—въ походѣ, среди тревогъ и ужасовъ кровопролитной войны. Уже по одному этому дневникъ о. М. является глубоко интереснымъ для всякаго читателя—и духовнаго, и свѣтскаго. Но еще болѣе придаетъ интереса этому дневнику личность автора, за сравнительно короткое время своего пребыванія въ Манчжуріи приобрѣвшаго общее и глубокое уваженіе во всѣхъ классахъ нашего общества.

Прим. Ред.

звался привывъ бросить все и всѣхъ и идти въ путь дале-
кій, на войну!...

Да, если бы не крѣпкая вѣра въ святыя принципы
„Вѣра, Царь и дорогая родина“, то трудно было бы спра-
виться съ собой, но сознание, что мы идемъ защищать эту
„душу“ русской жизни и ради этого жертвуемъ всѣмъ—
одушевляетъ, и мы справляемся съ собою, бодримся...

Прѣхали на вокзалъ... масса народа всѣхъ званій и
состояній... Господи, сколько любви, сколько искренняго
сочувствія!... У всѣхъ на глазахъ слезы, на устахъ молитвы
и добрыя пожеланія!... Вотъ пробиваются сквозь толпу два
священника о. С. и о. Г. и дорогіе мои И. А. и Е. Г. съ пѣвчим.
Начался передъ вагономъ напутственный молебенъ. Всѣ кру-
гомъ плачутъ, слезы душитъ и меня!.. Охъ! незабвенныя
минуты этой прощальной молитвы,—вотъ гдѣ познается, какъ
глубоко западаетъ утѣшеніе религіи! Молились всѣ, дѣй-
ствительно, отъ души! Да благословитъ Господь устроите-
лей молебна!... Кончилась молитва, я съ родными въ вагонѣ,
жена держитъ мою руку и смотритъ въ глаза мои съ такой
скорбію, что становятся вполнѣ понятны слова св. Симеона
Богоматери: „Тебѣ же Самой душу пройдетъ оружіе!“ Да
еще не сразила никого изъ насъ японская пуля, а оружіе
уже прошло души наши.

Подъ окномъ непрерывно поютъ пѣвчіе „Тебе Бога
хвалимъ“, „Подъ Твою милость прибѣгаемъ, Богородице“,
величаніе св. Митрофанію, „Аллилуія“ и друг. Входитъ
офицеръ и передаетъ просьбу директора корпуса благосло-
вить кадетъ, съ радостью исполняю,—я такъ любилъ всегда
и кадетъ, и ихъ наставниковъ. Какъ отраднo было молиться
съ ними 8 ноября; да благословитъ Господь и ихъ искрен-
но-религіознаго отца-директора, съ пути мысленно благосло-
вляю и его и корпусъ. Простился съ г. Губернаторомъ, съ
провожающими и снова въ вагонъ съ родными... не вѣ-
рится, что вотъ сейчасъ всѣ эти милыя лица скроются съ
глазъ надолго, надолго!... Третій звонокъ, трубачъ подаетъ
сигналь вѣхать... сразу сердце упало, еще разъ прижать къ
груди своей жену и родныхъ, но... сердце не камень, сколь-
ко ни крѣпись,—всѣ рыдаютъ, можно-ли найти человѣка,
который бы въ эту минуту сдержалъ себя? мнѣ кажется.

что нѣтъ,—по крайней мѣрѣ чего боялся я, то и случилось —разрыдался дико, страшно, казалось вся душа выйти хотѣть куда-то, а предъ глазами жена, почти упавшая на руки близкихъ, родители, родные, народъ... все рыдаетъ. Повадь пошелъ. Я уже безъ удержу плачу на груди моего дорогого доктора, Н. Я., который провожаетъ меня до Тулы. Вдругъ взоръ мой упалъ на ясно видимую изъ вагона полковую церковь, и снова слезы и рыданія вырвались изъ груди моей.... моя родная церковь, школа, домъ.... вѣдь каждый камень я знаю въ нихъ, и сколько пережито тамъ сладкихъ моментовъ религіознаго восторга, общенія молитвеннаго!... трудно не рыдать; все пережитое на томъ участкѣ земли за 7 лѣтъ при этомъ послѣднемъ взглядѣ пронеслось и вспомнилось сразу, и.... естественно я рыдалъ.—Много значить участіе въ горѣ человѣка, особенно родного, друга; это испытать я на себѣ.

Вотъ и родная „Отрада“, Яковъ выѣхалъ встрѣтить меня на „Стененномъ“;—благословилъ я изъ окна вагона столь памятную и любезную мнѣ рошу, Малыгину аллею, мой садикъ.... какъ я любилъ тамъ гулять, размышлять, читать... прощайте, милыя мѣста, когда то увижусь съ вами?—„Мценскъ“—и снова незабвенныя лица духовныхъ дѣтей—Б., А. и другіе встрѣчаютъ меня. Идемъ въ вокзалъ, буфетчикъ подарилъ мнѣ къ чаю банку чуднаго меда... слезы, благословенія, молитвы, пожеланія и, кажется мнѣ, какъ будто еще не окончился дорогой Орель.

Подъѣзжаемъ къ Тулѣ, встрѣчаетъ комендантъ Пороховниковъ—чудный человѣкъ, ведетъ насъ осматривать привокзальную новую церковь... Я просто пораженъ: масса иконовъ, прекрасный иконостасъ, изъ сѣраго мрамора, а живопись монахинь—сестеръ Дивѣвскаго монастыря выше всякихъ похвалъ...

12-е Іюня.

12-е число прошло безъ происшествій. Ночь спать плохо, всталъ въ 6½ ч. утра, помолился, напился чаю. Мих. Мать.—счастливая натура, всю ночь ни разу не проснулся и глаза открылъ только въ 9 ч. На ст. „Павелецъ“ далъ телеграммы въ Елецъ, Великой Княгинѣ, *) въ Орель. Во-

*) Е. И. В. Великой Княгинѣ Елизаветѣ Ѳеодоровнѣ, Августѣйшему Шефу 51-го полка.

шелъ генераль и поздравилъ насъ съ добрымъ утромъ,—мы отдали визитъ. Я занялся съ утра осмотромъ своего провіанта и снаряженія: спасибо, что не самъ укладывавалъ,—вотъ теперь на полдня дѣла. а, во вторыхъ, навѣрное протестовалъ бы противъ обилія всего сверхнасушннаго, по теперь благословляю всѣхъ позаботившихся. такъ какъ и путь далекъ. и ѣдоковъ сколько угодно. Осмотрѣвши вещи, изучивъ ихъ положеніе, занялся осмотромъ своей позиціи—купа, чтобы получше, поуютнѣе устроиться. Какъ подобаетъ истинно русскимъ людямъ и христіанамъ, первая моя забота была украсить свою походную храмину иконами: безъ нихъ какъ то неуютно, недомашне и на душѣ непокойно...

Устроился и радуюсь, какъ дитя.... Смотрю на церковь (на фотографіи), вспоминаю, какъ я шелъ бывало служить, вотъ на эти ступеньки входить, на этой дорожкѣ говорилъ съ пародомъ,—а вонъ видна школа... въ ухахъ воскресаетъ веселый смѣхъ дѣтей, вотъ мой домикъ... Смотрю на крестъ церковный... гдѣ же они мои милые вѣрныя?—я такъ привыкъ ихъ встрѣчать по утрамъ на своей колокольнѣ и преимущественно у креста! вѣдь вотъ, говорятъ, хищныя птицы, но я страшно любилъ и прямо такъ наслаждался глядя на нихъ: какая мощь, красота, плавность въ полетѣ.... Охъ, если бы у насъ были крылья, полетѣлъ бы сейчасъ еще разъ ваглянуть на родныя мѣста и лица?! Но... не все же, право, человѣку,—ему даны разумъ, сердце и воля—эти духовныя крылья, довольно, умѣи летать благоразумно и на нихъ—счастливы будете! Смотрю на группу, на Олю... рой воспоминаній и притомъ самыхъ дорогихъ!... какъ я всегда былъ счастливъ въ моей семейной жизни—родительской и супружеской! Какъ мнѣ благодарить Бога, что Онъ удостоилъ меня принять подъ свой кровъ престарѣлыхъ родителей и, хотя немного, послужить имъ,—вотъ и утѣшеніе, какого не купить за милліоны: на войну меня проводили и благословили родители своею рукою! Оля, родная моя Оля, такъ и стоять въ ухахъ ея слова: „хотя-бы разъ мы поссорились въ нашей прошлой жизни, все бы легче было прощаться“... Да, жили душа въ душу, и не только въ смыслъ земной любви и общенія, но и въ высшемъ смыслѣ: все, во что вѣрю я, вѣрить и она, къ чему стремился я, что предпрі-

ию, — она вполне разделяет... какъ хорошо трудиться вдвоемъ: посмотрю на церковь, школу, домъ, — ея участіе вездѣ, вездѣ... благодарю же ее за все прошлое счастье!... Группа съ духовными дѣтьми... дорогіе мои, сколько вы явили мнѣ грѣшному любви и сочувствія, ей-ей недостойнъ... Господь да воздастъ вамъ!...

„Ряжскъ“, — два часа стоимъ: пробовали пищу... Идемъ обѣдать и на будущее время рѣшасмъ, что Г. будетъ у насъ хозяйномъ; заказать обѣдъ по телеграфу, заплатить, — это его обязанность, а послѣ разочтемся! Съ нами обѣдалъ и обѣдаетъ племянникъ Черногорскаго князя, молодой человекъ, Владо Божиевичъ Петровичъ, который идетъ по своему желанію постоять за искренно-любимую имъ Русь-матушку; онъ очень образованный, учился въ Парижѣ и Женевѣ, я часто съ нимъ говорю, онъ страстно любитъ Россію и отъ всего въ восторгѣ. Ыдемъ дальше, на станціяхъ стоимъ страшно подолгу, такъ что лошадей выводятъ изъ вагона; я хожу провѣдать своего „друза“; его полюбили всѣ солдаты за „кротость“, смиреннѣе всѣхъ въ эшелонѣ. Пока всѣ здоровы и благополучны. Живемъ по апостольски: все общее, завтракаемъ у подп. Б., и къ нему спосимъ каждый, что можеть, ужинаемъ у меня, и продѣлываемъ тоже. Солдаты на стоянкахъ рѣзвятся какъ дѣти, кувыркаются, рвутъ цвѣты, траву, украсили свои вагоны древесными вѣтвями, какъ въ Троицынъ день. Никто изъ нихъ не скучаетъ, видимо, даже нравятся. Къ вечеру стѣли поговаривать, что хорошо бы прослушать всенощную, вспомнили, какъ бывало служили въ родной нашей церкви... какъ захотѣлось молиться! И праздникъ не въ праздникъ безъ службы. Ну, ужъ всенощную, какъ придется, а завтра обѣдницу рѣшили отслужить во что бы то ни стало! — Кругомъ мелькаютъ деревни, парквы, поля, равнины. Хлѣба плохи. Погода прохладная, дождь, — мы облачились во все теплое. На каждой станціи со вторымъ звонкомъ трубачъ подаетъ сигналъ „садись“ и съ третьимъ „отправление“.

Станція „Сухарево“. Подъѣзжаемъ, — о счастье! случится всенощное бдѣніе, и какое чудное совпаденіе: не надѣясь остаться ни гдѣ Богослуженія, и на память началъ читать

вечерню, прочиталь... въ это время подъѣхали къ „Суко-
реву“ и что же? идетъ служба и какъ разъ шестопсалміе,
т. е. продолженіе того, на чемъ я остановился. Извѣстия
генерала и начали молиться. Служилъ молодой священникъ,
пѣли два телеграфиста; одявъ.. подпершись рукой въ щеку,
немилосердно гудѣлъ басомъ, другой благоговѣнно тено-
ромъ. Рады мы были этому чрезвычайно; поставили свѣ-
чи, приложились къ св. Евангелію и поѣхали дальше...
На душѣ стало легче, какъ будто камень свалился.... Какъ
много значить привычка освящать Богослуженіемъ Божии
дни! Ужинали у меня въ купѣ и долго, долго разговари-
вали о миломъ прошедшемъ, родномъ, легли спать въ 12¼
час. ночи. До завтра!...

13-ое Іюня.

Въ 4 часа меня разбудили, подали телеграмму отъ Н.
П. С., очень было пріятно. Пріѣхали въ Моршанскъ;
здѣсь солдаты обѣдали въ 6 час. утра; ходилъ на станцію,
спрашивалъ телеграммъ, дѣтъ. Въ 9 час. утра подъѣхали
къ станціи „Фитингофъ“, стоянка часъ,—рѣшили служить
обѣдницу. Я попросилъ у начальника станціи разрѣшить
совершить Богослуженіе въ станціонномъ залѣ, что оны
сейчасъ-же и позволили.—Тогда я и Михайло вынули по-
ходныя ризы, Евангеліе и Крестъ, зажгли свѣчи, пришелъ
генералъ, офицеры, солдаты, и мы не спѣша отслужили полную
обѣдницу. Умилительно было чрезвычайно, пѣли всѣ и моли-
лись отъ души, вотъ ужъ благодарили мы тогда святой обы-
чай ставить на станціяхъ иконы. Надо было видѣть радость
всѣхъ—отъ высшихъ и до низшихъ, всѣ говорили одно:
„слава Богу, теперь и для насъ настоящей праздникъ!“ И
даже проповѣдь говорилъ на тему, данную дневнымъ Еван-
геліемъ,—о необходимости смириться и въ испытаніи не
роптать на Бога, а вѣровать, молиться и твердо надѣяться
на помощь Божию. Было много народа и посторонняго, при
цѣлованіи креста я раздавалъ солдатамъ и народу св. книж-
ки и листки, а г.г. офицерамъ ладонки съ 90-мъ псалмомъ.—
всѣ благодарилъ. Поѣхали дальше.—по телеграфу на ст.
„Пачелма“ заказали обѣдъ; по дорогѣ, среди прекрасной мѣ-
стности, на остановкахъ всѣ гуляемъ, часто играетъ наша
музычка, и это хотя немного развлекаетъ. По случаю воскрес-

наго для на станціяхъ масса народу, кричатъ намъ „ура“, просятъ сыграть „Коль славень“, даютъ солдатамъ даромъ молоко, яйца, солону, папирсы...

Приюхали въ „Пачелму“, стоянка два часа, для насъ накрытъ большой столъ. Съели всеи компаніей обѣдать, время прошло очень оживленно. Сюда съѣхалось окрестные похвѣйки съ семьями, вниманіе намъ оказывалось повсюду самое сердечное. При крикахъ „ура“ поѣздъ нашъ тронулся, пошли чудные лѣса. Попили чаю, ужинать не хотѣлось. Ночь наступила дивная, лунная. приѣхали на разъѣздъ 31-й, и здѣсь снова стоимъ среди дремучаго лѣса, облитаго свѣтомъ луны. Что это за восторгъ! такой ночи никогда не забуду! Конечно, о снѣ никто и не думалъ, всѣ офицеры вышли гулять, а солдаты аукались и отзвукъ голосовъ ихъ разлетались далеко, далеко, отдаваясь гдѣ-то вдали, какъ голосъ лѣшаго. Я ходилъ въ какомъ-то странномъ состояніи души, что-то мистическое наполняло все существо мое... вдругъ пѣяніе, дивные звуки полились откуда-то изъ тьмы... что это? кто и на чемъ играетъ? Оказалось, нашъ писарь (изъ дворянъ) играетъ на мандолинѣ, затѣмъ писаря заплѣли какой-то дуэтъ, и получилась среди лѣса и ночи своего рода серенада... Не хотѣлось шелохнуться среди мистической тишины окружающей природы. Вдругъ шумъ, грохотъ,—и пронесся служебный поѣздъ, какъ какое-то чудовище, ворвавшееся въ нашъ рай, но не смогшее здѣсь удержаться,—оно убѣжало отъ насъ, и мы снова въ прежней тишинѣ, и снова серенада. Но всему бываетъ конецъ, наступилъ конецъ и нашему блаженству. Трубачь играетъ „сидясь“, затѣмъ „отправленіе“, и мы снова затряслись далѣе и скоро улеглись.

15-де Іюня.

Утро. Приѣхали въ Сызрань, городъ въ сторонѣ; здѣсь пилъ кофе. Пошелъ телеграфъ—есть телеграмма изъ Орла, съ какимъ чувствомъ разрывалъ я конвертъ, думалъ отъ жены, оказалось изъ Орла отъ духовныхъ дѣтей, и то приятно, послалъ отвѣтную. Встрѣтили эшелонъ Нѣжинскаго полка и съ нимъ принца Персидскаго*), приятно было повидаться, я

*) Ротмистра Нѣжинскаго полка, персидскаго принца Али-Гули-Мирау, перешедшаго въ этотъ полкъ изъ Черняговскаго полка.

такъ любилъ его всегда. Тронулись и мы. Съ Михаиломъ въ купѣ у генерала отпѣли панихиду по его брату Александру на ходу; оригинальная была служба.—Ну кто могъ думать когда-либо, что придется служить панихиду въ поѣздѣ? Да, надо все пережить. Завиднѣлась красавица Волга, по ея берегу мы ѣхали цѣлыѣ часы,—что за красота, что за многоводье?! Идутъ пароходы въ 5 этажей, тянутся баржи, плоты, всюду жизнь, движеніе! Приѣхали на ст. „Батраки“ на самомъ берегу Волги. женщина подноситъ живыхъ стерлядей, генераль купилъ 21 штуку за 75 к. На станціи заказали уху изъ свѣжихъ стерлядей, а сами пошли на Волгу. Я вѣздъ мыло, подотенце и выкупался въ Волжскихъ водахъ. Ахъ какъ пріятно! чтобы понять, надо просидѣть 5 сут. въ вагонѣ!... Кричатъ что уха готова... иду; смотрю, солдаты-трубачи не выдержали и повели купать своихъ коней. Съли за столъ, добрая хозяйка-старушка подала на столъ прямо кострялю съ ухой, и, сама у меня благословившись, начала разливать намъ... Живо вспомнилась мнѣ и наша Орловская „Бабушка“ А. П., такъ и она мнѣ бывало наливала. Запили стаканчикомъ чернаго пива и тронулись дальше. Предстояло переѣхать Волгу по мосту длиною въ версту съ четвертью, я сѣлъ на площадкѣ вагона и вооружившись биноклемъ, сталъ смотрѣть. Красивѣй и грандіознѣй арѣлища я и представить себѣ не могу, описать не берусь, это надо видѣть, я даже боялся ѣхать, какъ будто по ниточкѣ какой шелъ позадъ и вотъ, вотъ она перервется, но Господь далъ—проѣхали благополучно.—За Волгой уже другая картина, степи и природа мнѣ болѣе знакома, болѣе подходит на родную мнѣ, населеніе рѣже! Въ Самару приѣхали уже въ 9 час. вечера, городъ хорошій, но вокзалъ плохъ; наши поѣхали въ городской садъ обѣдать, а я остался, поужиналъ и легъ спать.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о: Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

16-е Іюня.

Сегодня такъ прошелъ день, что и писать нечего, все повторилось, что и прежде. Приѣхали въ инородческія мѣста татары, башкиры, мордва, черемисы. Продають кумысъ. Туркестанъ очень красивый городъ издали, только лишенъ значительности. Цѣлый день ѣдемъ отрогами какихъ-то горъ. Ѣдали въ „Абдуино“, пища была плохая; все здоровы, слава Богу, все благополучно. Завтра Уфа, ложусь спать..

17-е Іюня.

Уфа. Утро. Чудный видъ на городъ, расположенный в крутой горѣ: длинный мостъ чрезъ „Бѣлую“ проѣхали благополучно, мосты все охраняются часовыми. Отъ самаго Туркестана стали попадаться татарскія деревни съ мечетями. Странное съ непривычки впечатлѣніе производять эти минареты съ полумѣсяцами... Въ Россіи и полумѣсяцъ свободно сіяетъ надъ селомъ, а говорятъ еще о русскои терпимости; и сколько такихъ селъ проѣхали мы!.. Но это страшны татары здѣсь, въ своей обычной обстановкѣ, бороды и безобразны, башкиры тоже; я раньше думалъ, что только наши мужики отличаются нечистоплетностью, однако инородцы такіе же, постройки ихъ точь въ точь русскія, мечети деревянныя и небогатія. Въ Уфѣ на вокзалѣ встрѣтилъ меня подполковникъ Быковъ съ женой, бывшій у меня въ Орлѣ, очень хорошіе люди,—угостили меня чаемъ и проехали со мной полтора часа, въ 9 часовъ тронулись далѣе. Намъ предупреджали въ Уфѣ, чтобъ мы весь день не ложились отдыхать, смотрѣли въ оба, такъ какъ виды откроются изумительныя. Дѣйствительно, что пришлось увидѣть, то

и описать трудно. Съ одной стороны большая р. Бѣлая, по которой плывутъ пароходы, плоты, съ другой—горы, сплошь покрытыя дремучими лѣсами. Это начались предгорія Урала, но эти виды были только цвѣтики, ягодки же впереди.—Станція „Аша Балановская“; подъѣжая къ ней, мы увидѣли огромную гору, покрытую лѣсомъ, конусообразную... Какъ будто кто нарочно убралъ ее зеленью, всѣ назвали ее „красавицею“, да и по достоинству. На этой станціи мы обѣдали ѣли отличную солянку и цыплятъ. Тронулись далѣе и буквально замерли отъ восторга, всѣ высыпали къ окнамъ, боялись потерять мгновение, переѣзжаемъ Уральскія горы, ѣдемъ по берегу горной и быстрой рѣчки „Симъ“, между огромными горами и скалами, покрытыми чуднымъ лѣсомъ!—Горы и скалы одна причудливѣе другой: то конусъ, то опрокинутая чаша, то вдругъ совершенно отвѣсная скала страшной высоты изъ краснаго камня, какъ обрубленная и полированная, съ трещинами—пещерами! Живо представилась мнѣ Аѳонская гора съ ея подвижниками; смотря на эти горы, скалы и пещеры, такъ и кажется, что вотъ—вотъ выйдетъ изъ нихъ какой-нибудь старецъ въ родѣ св. Петра Аѳонскаго и благословить насъ, но... это только кажется, на самомъ дѣлѣ всюду грязные татары и заводскіе рабочіе! Вдругъ сердце замерло, мы несемъ въ упоръ прямо на огромную скалу,... еще минута и разобьемся, но... внезапный поворотъ и предъ глазами эта гранитная громада открыла какъ-бы зіяющій зѣвъ, готовый поглотить насъ... она оказалась разсѣчена могучею рукою человѣка на двѣ гранитныя половинцы, и мы несемъ по длинному каменному коридору... невольно у всѣхъ вырвался крикъ восторга..., вылетѣли изъ каменныхъ объятій и снова мчимся, навиваясь змѣей, по берегу Сима и Юрзона. Какія чудныя горныя рѣчки, быстрыя, бурныя, часто встрѣчаются малые водопады. Коридоровъ было нѣсколько. До вечера успѣли видѣть два завода сталелитейныхъ съ заводскими селами; какъ красиво они расположены между горами, производятъ совершенно подобіе ауловъ; живутъ очевидно зажиточно. соломы нигдѣ не видно, вездѣ крыши деревянныя и желѣзныя. Особенно поразила меня бѣлая часовня на высокой горѣ надъ заводомъ: стоитъ какъ св. часовая надъ Ураломъ, выше всѣхъ мива-

готовъ, и осѣняетъ крестомъ своихъ всѣхъ этихъ тружени-
ковъ стали и угля, копающихся въ Уральской старой гру-
ди!.. Ахъ красота, красота природы, какъ она возвышаетъ
душу, приближаетъ къ Богу!.. Офицеры говорятъ мнѣ: „смо-
три на окружающее, можно-ли не вѣрить?“—Да, если бы всегда
и всѣ обращали вниманіе на окружающее и искали истины,
то много, много природа помогла бы имъ... А все-таки мы
уже оканчиваемъ Европу и въѣжаемъ въ Азію... прощайте,
Европейцы, мы станемъ уже Азіятами, но повѣрьте, лю-
бить васъ искренно не только не перестали, но еще больше
любимъ, сердце такъ и рвется къ вамъ... однако стальная
машина не дремлетъ, а все тащитъ не къ вамъ, а отъ васъ,
все впередъ и впередъ! Дорога крайне опасна: съ одной
стороны отвѣсныя скалы, съ другой быстрая рѣка, а поѣздъ
бѣжитъ, постоянно изгибаясь то вправо, то влѣво: случись
зрушеніе—спасенья нѣтъ!—Что за воздухъ въ горахъ, какъ
онъ чистъ и свѣжъ, настолько, что на очень далеко отсто-
ящей отъ насъ горѣ собравшаяся вокругъ костра толпа
рабочихъ, разговариваетъ между собою и мы слышимъ даже
отдѣльныя слова: „только два окуня поймалъ“... Вечеръ...
Всходитъ огромная луна, какъ горный фонарь, точно выходитъ
рассматривать всѣ-ли горы въ порядкѣ и на мѣстахъ, не на-
рушили-ли данной имъ отъ Творца гармоніи? Вотъ она
сверху горы, вотъ нырнула въ долины и медленно и покойно
спускается въ высь небесъ... все въ порядкѣ, горы не грѣш-
ные люди, онѣ не пойдутъ противъ законовъ Вседержите-
ля!.. А вотъ какимъ темнымъ покрываломъ ложится тѣнь
отъ большихъ горъ на меньшія и на долины, ахъ эти до-
лины, онѣ сейчасъ скроются въ этомъ темномъ покрывѣ,
а какъ онѣ хороши днемъ при свѣтѣ солнца!.. Змѣйкой
бѣгутъ по нимъ серебристыя горныя ручьи, переливаясь
тысячами самоцвѣтныхъ камней, ярко зеленѣетъ трава,
все блеститъ, нигдѣ ни пылинки, и все покрыто цвѣтами раз-
ныхъ сортовъ, точно коверъ, подобнаго которому не было
даже у Соломона. Я забрался на открытую платформу, сѣлъ
за козлы командирскаго экипажа и отдался въ уединеніи
думать о пережитомъ сегодня!..

„Сядисъ“ раздается сигналъ и я вышелъ изъ своихъ
думъ. Ыдемъ дальше, начался туманъ, хочу встать въ 3
часа, чтобы видѣть Златоустъ. Ложусь.

18-е Июня.

Всталъ въ 8 часа утра, туманъ, какъ инсель, ничего не видно: оказывается, я одинъ: мой сожитель, говорить, восхитившись видами, зашелъ на станцію въ горахъ вечеромъ, да тамъ по неизвестной причинѣ и остался, значить я сегодня въ одиночествѣ.

Въ 4½ часа утра прѣхали въ Златоустъ, города не видно, пилился кофе и чаю. Осталась одна станція—и Европѣ конецъ; рѣшили отслужить молебенъ на границѣ. Прѣхали ст. „Урашикл“, послѣднюю европейскую станцію, и я началъ служить молебенъ, во время пѣнія тропаря св. Митрофанію тихо, замедливши ходъ, подвѣхали къ завѣтному каменному столбу—границѣ Европы и Азии и при пѣніи „Иисусе Сладчайшій, спаси насъ“, „Пресв. Богородица, спаси насъ“,—перѣхали границу. Я, стоя на площадкѣ-ступенькахъ вагона, благословилъ Европу,—затѣмъ, обернувшись, благословилъ Азію. Минута эта была памятная на всю жизнь: по окончаніи молебна, при пѣніи „Спаси Господи люди Твоя“, всѣ прикладывались къ кресту, я обходилъ вагоны. Горы оканчиваются, прѣхали ст. „Хребетъ“ и теперь зпѣзагами спускаемся съ Уральскихъ горъ въ сибирскія долины. Прилежъ отдохнуть, сейчасъ Челябинскъ, хочу пойти въ баню; здѣсь дневка. Слава Богу, первую часть пути сдѣлали благополучно, только одна лошадь пала во 2-омъ эскадронѣ.

Въ 4 часа вечера прѣхали въ Челябинскъ, города почти не видно, онъ на равнинѣ въ 1½ версты отъ станціи. Господи, что здѣсь на военной платформѣ творится: прямо столпотвореніе Вавилонское, собралось шесть эшелоновъ нашихъ да столько-же 52-го полка. Масса лошадей прямо около платформы въ кучкѣ, всѣ привязаны къ временнымъ веревочнымъ коновязямъ, ржаніе, визгъ, крики солдатъ на лошадей, масса оружія, сѣдель, фуража, солдатъ, офицеровъ... всѣ суетятся, кричатъ, спрашиваютъ... затрепали бѣднаго коменданта. На самомъ вокзалѣ не лучше, тоже толпа и притомъ не только наполняетъ залъ, но прямо на платформѣ расположились—дамы, сестры милосердія, врачи, офицеры, солдаты, сѣрые мужики; все это сидитъ—иные прямо на пѣлу, другіе на чемоданахъ, узлахъ. Здѣсь-же ѣдятъ, пьютъ чай, снуютъ носильщики, орутъ

спать матомъ дѣти! Закопалось мнѣ пойти въ буфетъ выпить воды водовой, — вкожу, едва протолкнулся, спросилъ бутылку, клюквеннаго квасу, такъ какъ вода выпита вся жара здѣсь болѣе 30°), кое-какъ выпилъ, самъ подошелъ къ буфету, заплатилъ, никто не спрашиваетъ платы, нѣтъ возможности услѣдить, всѣ столы заняты сплошь и между-столы!.. Бѣжить солдатъ и говорить мнѣ: „васъ спрашиваютъ какой-то священникъ!“ — Иду и кто-же? — братъ о. Аркадія изъ Екатеринбургга прѣхалъ встрѣтить меня, я былъ очень радъ ему, поговорили съ нимъ около часу; въ это время прѣхала Нат. Аф., и я поѣхалъ къ нимъ на ихъ городскую квартиру. Буду на извозчикѣ въ городъ.. широкія улицы, даже электрическое освѣщеніе, / одно плохо — улицы всѣ немощенныя.. Городъ большой, до 30 тысячъ жителей. Меня поразили здѣшнія лошади, маленькія такія, но сильныя и бѣгутъ страшно быстро, растительность на нихъ очень большая, грива до земли. Проѣхали мимо хорошаго женскаго монастыря, рядомъ тоже хорошее бѣлое училыще, съ отдѣльною при немъ церковью. Встрѣчаюсь прямо таки поразительной архитектуры дома, построены сплошь изъ гранита, напр. желѣзнодорожное собраніе. Но прѣхавъ на квартиру выжили по стакану чайку и съ К. отправились въ баню. Взяли номеръ за 1 руб., который обыкновенно стоитъ не дороже 35—50 к., предбанникъ плохой, но самая баня хорошая, я вымылся отлично, спать пріятно послѣ 8-ми сутокъ пути помыться!.. Хочу завтра поисповѣдываться и причаститься св. Тайны. О, если-бы это удалось, какъ я былъ-бы радъ! Радужная ховайка къ моему возвращенію уже устроила уху и мягкую постель, пріятно поныжить послѣ долгаго путешествія! Много получила здѣсь писемъ отъ духовныхъ дѣтей, весьма отрадительно прочитавъ, забывъ и усталость, читаю... 12-ть час. ночи. Пора спать!

19-ое Іюня.

Ночеваль у К., всталъ въ 6 ч. утра и пошелъ въ женскій монастырь исповѣдываться и причаститься св. Тайны. Пришелъ въ монастырскій соборъ какъ разъ въ то время, какъ монахиня только что начала читать правило ко причащенію, я прослушалъ его. Затѣмъ пришелъ моло-

дой монастырской священникъ, оказавшійся Воронежскимъ, даже сосѣдомъ изъ Россіи, онъ предложилъ мнѣ отслужить литургію, на что я съ радостію согласился. Понесовѣдывавшись у старца, я совершилъ св. Литургію, первую въ Азіи. Отлично пѣли монахини, была игуменья Раваала; приобщилъ болѣе 30 человѣкъ—хорошо было служить въ храмѣ прекрасный, и пѣніе; но люди... ни души знакомой, родной... такъ и замретъ сердце, какъ оглянешься на народъ! Какъ я радъ, что приобщился св. Таинъ, гдѣ теперь еще придется?! У игуменьи въ кельѣ пилъ чай, пѣлъ свѣжую клубнику. Напутствуемый благословіемъ и благожеланіями, на монастырской лошади вернулся я подъ гостепріимный кровъ Нат. Аф. Немного отдохнулъ, почиталъ письма, написалъ, пообедалъ, поговорили, а часы уже показываютъ 4 часа вечера, въ семь час. поѣздъ уходитъ, а мнѣ нужно еще перегрузиться въ другой вагонъ, пора на вокзалъ. Простился и поѣхалъ на сибирскомъ извозчикѣ въ плетеной корзинкѣ на станцію. Стоитъ сибирскій поѣздъ, везетъ пассажировъ на Иркутскъ и между ними отрядъ сестеръ милосердія...

Поѣздъ нашъ еще не подавали, народа масса и прежняя толкотня, послужалъ половину всенощной, подали поѣздъ. Намъ отвели чудный Пульмановскій вагонъ 2-го класса, мнѣ дали отдѣльное купе и я устроился въ немъ какъ дома съ полнымъ комфортомъ, всѣ восхищаются моею „каютой“. За полчаса до отхода поѣзда окончили мы перегрузку, я умылся и вышелъ подышать свѣжимъ воздухомъ и провѣдать своего „друга“, ничего, онъ пока здоровъ и веселъ. Поѣздъ подвезли къ пассажирской платформѣ, гдѣ играетъ наша музыка. Простился съ К.—поѣхали, прощай гостепріимный Челябинскъ!... ходъ у поѣзда мягкій, можно писать на ходу. Началъ осматривать вещи свои... добрая Наталья Аф. опять надолго зарядила меня: цыплята, сыръ, огурцы, картофель, рѣдиска, апельсины, лимоны, пирожки, овѣчи... дай Боже ей благодати! Пошелъ въ вагонъ къ генералу и передалъ ему просфору, а также всѣмъ офицерамъ,—они были рады... 12-тый часъ ночи, развсплывала, уснуть не могу, а тутъ еще мухи,—надѣлъ на себѣ сѣтку и только тогда уснулъ.

20-ое *Юня.*

Плохо спалъ, часто просыпался, воевалъ съ мухами, которыя какъ-то ухитрились пробираться подь сѣтку, наконецъ я догадался завязать сѣтку себѣ подь бороδοю и задался еще часа на два. Въ 7 ч. всталъ, смотрю въ окно. Природа здѣсь пошла однообразная—степь, но земля роскошная, родить прекрасно и особенно пшеницу. Съ самаго утра почти на каждой станціи масса народа,—и что за народъ въжливый: всѣ снимаютъ шапки съ хлѣбомъ-лещешками пшеничными, лотки съ кренделями и яйцами, которые они, если по вагонамъ, давали солдатамъ, такъ что къ вечеру въ каждомъ вагонѣ собралось по большой кучѣ лепешекъ и всякой снѣди! На одной станціи мужикъ разносилъ въ подарокъ чудный свѣжій лукъ и я соблазнился взять себѣ пучокъ, которымъ за завтракомъ съ удовольствіемъ лакомился!—Къ 11-ти час. утра прѣѣхали на ст. „Зырянка“ и здѣсь я отслужилъ обѣдню, во время которой говорилъ шелону краткую проповѣдь о необходимости въ предстоящихъ трудахъ взаимной любви и поддержки, а также соблюденія строгаго послушанія начальству, храненія дисциплины. Постѣ раздавалъ св. книжки и листки солдатамъ и народу. Нужно было видѣть радость станціонныхъ служащихъ и усердіе, съ которымъ они молились; оказывается, церковь въ нихъ въ 15-ти верстахъ и службы на станціи никогда не бываетъ. Пѣли по-прежнему всѣ, и вообще Богослуженіе прошло съ такимъ-же одушевленіемъ и радостью, какъ и 13-го юня. Въ 1-мъ часу дня прѣѣхали въ гор. Курганъ, Тобольской губ. Городъ порядочный, тысячъ 20-ть жителей, порядочно поляковъ; хороша мостъ чрезъ р. Тоболь. Дорога вездѣ охраняется часовыми изъ запасныхъ. Въ Курганѣ мы обѣдали. Ёли зеленія щи, цыплятъ; играетъ наша музыка, публики масса. Ёдемъ дальше, все благополучно, только одно неудобно: паровозы отапливаются углемъ и притомъ очень плохимъ, поэтому дымятъ невообразимо. Ложусь. Во 2-омъ эскадронѣ пала лошадь, уже вторая въ полку.

21-ое *Юня.*

Спалъ эту ночь очень хорошо, всталъ по орловски рано—въ 5 ч. утра, а по здѣшнему очень поздно, почти въ

8 ч. утра, разница во времени достигла уже почти трех часовъ, значитъ далеко улетели отъ милой родины!... Всталъ, прибрался... именно самъ прибрался, нарочно не вею Ксенофонту, хотя оны часто заходятъ ко мнѣ, очень люблю самъ возиться и жить какое-нибудь рукоделье, силелъ себя и стурка для пояса и для туфель! Такъ вотъ я всталъ, прибралъ постель свою, сметъ щеткой пылъ, побрызгалъ и подметель въникомъ.—удовольствие получилъ большое, я очень люблю свою квартирку—купэ и соблюдаю ее въ чистотѣ и порядкѣ всѣмъ на удивленіе! Помолился Богу, послалъ на столикъ чистую салфетку, досталъ просфорныхъ сухариковъ и попилъ чайку. Въ окно и смотрѣть не тянетъ: однообразная степь съ жидкими деревцами и солончаковыми озерами. Только и разнообразіе, что встрѣчаются въ степи огромные табуны киргизскихъ коней, стада скота и около нихъ гарцующіе на своихъ карликахъ—коняхъ киргизы съ длиннѣйшими кнутами. Охъ, ужъ эти киргизы и удивительный народъ, на воздухѣ 33° жары, а они шеголяють въ ватныхъ халатахъ, крѣпко зашнурованы поясами и на головахъ мѣховыя шапки,—лица загорѣли, какъ уголь, замазаны саломъ... однимъ словомъ, такіе фигуры, что мнѣ очень не хотѣлось-бы встрѣтиться съ ними одному въ степи! Въ полдень завидѣлся городъ Петропавловскъ, это уже Акмолинская область, земля войска Сибирскаго—казковъ. Городъ очень живописно разбросанъ на гористомъ берегу р. Ишима (притокъ Иртыша), чрезъ которую перекинутъ длинный мостъ. Въ городѣ поражаетъ обиліе мечетей—ихъ 5, видимо богатыя, всѣ каменные, съ высокими минаретами. Оригинальны мусульманскія кладбища: на каждой могилѣ поставленъ маленькій домикъ, покрытый желѣзомъ. Жара страшная. Вышелъ на станцію, буфетъ номѣщается въ палаткѣ, духота невообразимая, кое-какъ съѣлъ тарелку ищей, выпилъ воды и пошелъ гулять въ станціонный садикъ. Осматривалъ вокзальную церковь—очень красивая, съ дубовымъ иконостасомъ. Вывели лошадей, сдѣлали пробѣжку: у насъ пока все благополучно, а вотъ въ 4-мъ эскадронѣ неладно: сейчасъ получили телеграмму, что заболѣлъ солдатъ, котораго оставили въ Курганѣ, да у лошади солнечный ударъ. У насъ же вышелъ казусъ: вырвалась лошадь и убѣжала въ

степь, два солдата верхами не могли нагнать,—такъ и уѣхали; на слѣдующей станціи за 16 верстъ киргизы привели ее къ нашему поѣзду—подъмали. Славо Богу, разразилась гроза, прошелъ хорошій дождь и стало легче. Ыдемъ дальше, я перебрала вещи, надо умудриться такъ уложить, чтобы можно было помѣстить въ двуколку. Наступилъ холодный вечеръ, все попрятались по своимъ гнѣздамъ.

22-ое Іюня.

Странная здѣсь температура: днемъ жарко, ночью холодъ. Спать довольно хорошо, всталъ пораньше, чтобы не проспаться р. Иртышъ, которую будемъ переѣзжать предъ г. Омскомъ. Только что успѣлъ одѣться, какъ уже завиднѣлся г. Омскъ, очень красиво расположенный на холмистомъ берегу многоводнаго Иртыша... Вотъ и рѣка, опять длиннѣйшій мостъ, смотрю на воду и вспоминаю судьбу Ермака Тимофѣевича, плавшаго по этой самой рѣкѣ въ тяжелой бронѣ... онъ не смогъ побороть быстроты течения и утонулъ... Да, течение очень быстро... сердце замираетъ при этомъ воспоминаніи, думалъ-ли я, когда училъ исторію, что увижу своими глазами эти мѣста?!... Вѣрно, что отъ Господа пути человѣка исправляются!! Рѣка судоходная, обгудуть пароходы, плывутъ баржи. Вокзалъ въ 4-хъ верстахъ отъ города,—ихъ соединяетъ вѣтка желѣзной дороги, поѣзда ходятъ въ городъ и обратно каждый часъ.—Около вокзала огромная слобода, скорѣе похожая на городъ, такъ какъ въ ней красуется много очень хорошей и оригинальной постройки домовъ, церковь. Спрашиваю, что это за селеніе? кондукторъ отвѣчаетъ, что десять лѣтъ назадъ здѣсь не было ни одного дома, а съ проведеніемъ желѣзной дороги образовался цѣлый городъ.

Стоимъ три часа. Генераль поѣхалъ представляться генераль-губернатору Сухотину, а офицеры осмотрѣть городъ. Приѣхали въ восторгъ отъ магазиновъ, театра, зданій, Иртыша.

Переѣхали на продовольственный пунктъ въ 15 мин. отъ главнаго вокзала, вывели лошадей, трубачи поѣхали въ Иртышъ купаться и купать лошадей. Опять горе: вырвались изъ лошадей и ускакали въ степь, такъ мы и уѣхали, а лошадей нѣтъ; сдѣлали заявленіе коменданту. Я пошелъ въ

солдатскую лавочку, купилъ бѣлаго хлѣба и далъ М. и К., себѣ-же двѣ французскихъ булки, напился чаю, погулялъ, написалъ письма. Михайло подалъ письмо отъ В. Ив., спасибо ей, съ удовольствіемъ читалъ. Въ 1½ ч. пріѣхалъ генераль и мы пошли на главную стаяцію объѣдать, я ѣлъ щи и свѣжую Иртышскую рыбу съ хрѣномъ! Подошелъ эшелонъ Нѣжинскаго полка и съ нимъ батюшка о. Владиміръ, я пошелъ посмотрѣть его помѣщеніе въ вагонѣ, очень тѣсно: на каждой скамьѣ сидятъ и сбоку, я его приглашалъ къ себѣ въ гости—въ купэ, онъ прямо пораженъ, какъ меня удобно устроили. Поговорили, я угостилъ его апельсинами... Тронулись далѣе. Это мы были въ мѣстахъ, которыя на судебномъ нарѣчій называются „не столь отдаленными“, теперь вступаемъ уже въ „отдаленныя“... Степи и степи, чахлая березы да горячій навозъ по мѣстамъ,—вотъ и весь ландшафтъ по пути нашему, нѣсколько станцій проѣдешь и никакого жилья, ни сель, ни церквей, просто скука!... Сталъ больше читать. Мои спутники стараются не поддаваться унынію, бодрятся. Ложусь очень рано и очень поздно—по нашему въ 9-ть час. веч., а по здѣшнему въ 12-ть час. ночи; просто перепутались, не знаешь по какому времени располагать жизнь?! Станціи и буфеты всѣ имѣютъ часы по Петерб. времени и какъ-то странно: садимся объѣдать, значить 1 часъ дня, а на часахъ стоитъ —10-ть утра.

23-ое Іюня.

5½ час. утра. всталъ; пріѣхали въ г. Каинскъ; самого города не видно почти, днѣ въ 12-ти верстахъ. Стоимъ два часа, велѣлъ осѣдлать „друга“, закололъ волосы, надѣлъ манчжурскую шляпу съ назатыльникомъ и поѣхалъ съ офицерами. Катался съ полчаса шагомъ, рысью и галопомъ немного, жарко да и лошадь жалъ: комары и оводы одолѣли, расѣдлали. Напился чаю съ просфорными сухарями и рѣшилъ сегодня, попоститься—среда. У меня есть двѣ воблы, три огурца, двѣ луковицы, да нѣсколько апельсинъ, значить можно, вотъ только бы картошечекъ раздобыть вареныхъ. Бѣгу въ казарму-кухню, прошу у солдатъ,—нѣтъ варенаго, пообщали сварить и дѣйствительно черезъ полчаса солдатъ принесъ мнѣ въ вагонъ штукъ 15-ть

артофелинъ горячихъ, въ мундирахъ. ну что это за пре-
сть, съ удовольствіемъ пообѣдалъ. Еще запилъ чайкомъ
и, какъ говорятъ у насъ, „теперь я житель“, а зарядить-
ся и особенно чайкомъ нужно, теперь болѣе чѣмъ на сто
верстъ начнутся непрерывныя болота, и вода такая гниль,
то мѣстные жители только по привычкѣ переносятъ, а насъ
предупреждали не пить, потерпѣть. Поѣхали. Дѣйстви-
тельно, непроглядныя пошла болота и степь--Барабинская;
вѣдь вода, покрытая плѣсенью, въ вагонахъ сидѣть невоз-
можно отъ неисчетнаго множества нападающихъ на насъ
болотныхъ обитателей, какъ мы ихъ называемъ „пео-
въ мухъ“ и „японцевъ“. Представьте себѣ тамъ, въ Европѣ,
въ жаркій лѣтній день насъ окружаетъ масса мухъ... вы
загодуете, отмахиваетесь,—теперь подумайте, что переживали
мы, когда вагонъ и воздухъ полны не только мухами, но
также „роями“ оводовъ, стрекозъ, кузнецовъ преогром-
ныхъ, комаровъ, мошекъ?!... все это кружится, жужжитъ,
тукается въ наши головы, кусаетъ... только и слышишь
шлепъ, шлепъ“, да неслестные для этой кампаніи эпипеты,—
то мы воюемъ съ „японцами“, кровопролитіе ужасное, но
насъ меньше и „японцы“ одолеваяютъ. Наконецъ я вспом-
нилъ, что у меня есть марля, сейчасъ-же досталъ: спинка
моя надъ диваномъ поднята, такимъ образомъ, образовался
карманъ, вмѣщающій три клухихъ стѣны, а четвертую я завѣ-
нулъ марлею, спать будетъ идеально, ни одного комарика.
Вѣдь, мнѣ вѣдь хотѣлось-бы не только спать безъ „япон-
цевъ“, но и днемъ не быть въ ихъ почтенномъ обществѣ,
чтобы можно было пописать, почитать, поѣсть, попить,—но
если закрыть окно—душис, тогда я вымѣрилъ открытое
окно, отрѣзалъ по размѣру кусокъ марли и кнопками туго
натянулъ окно,—теперь уже снаружи ни одинъ „японецъ“
не мнѣ не залѣзетъ.—Потомъ начался рѣшительный бой съ
ставшимся на моей территоріи непріателемъ. Я вооружился
самымъ дѣйствительнымъ и новѣйшимъ оружіемъ—вѣни-
комъ и произошла генеральная битва, послѣ которой только
нѣсколько „японцевъ“ благополучно удрали въ полуотво-
ренную дверь, а главная масса пала въ бою, такъ какъ я
вѣнчикомъ носился по купѣ съ вѣшникомъ, поражая напра-
во и лѣво, даже потъ прояслять!... По окончаніи сраженія

я съ честію и тѣмъ-же вѣвникомъ выметъ трупы непріятелей и теперъ сижу въ купэ своемъ, наслаждаюсь: и воздухъ свѣжій, и ни одной „песьей мухи“. Всѣ приходили ко мнѣ и отъ души завидовали. Великое спасибо Олѣ и Вѣрѣ, что положили марлю. Теперъ я уже почти не выхожу въ корридоръ вагона, а гуляю у себя въ купэ, т. е. дѣлаю 2¹/₂ шага впередъ и столько-же назадъ.—пріятное гулянье?!

Вдемъ уже цѣлый день и только къ вечеру встрѣтили небольшое село съ церковію, на берегу озера-болота, бабы выносили продавать карасей, жареныхъ въ сметанѣ.—Странная здѣсь постройка: крыши почти всѣ покрыты землею съ дерномъ. Кругомъ на необитаемыхъ мѣстахъ вездѣ курится навозъ, варочно жгутъ и этимъ немного ограждаютъ себя отъ комаровъ и оводовъ! Замѣчательно, что животныя сами лѣзутъ въ дымъ и стоятъ тамъ. На жителяхъ надѣты сѣтки или просто почти наглухо обвязаны платками съ прорѣзомъ для глазъ. Вечеръ, залѣзъ подъ марлю спать, завтра утромъ „Объ“.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

24-е Іюня.

Утро, 6 часовъ, наскоро одѣлся, сейчасъ переѣзжать широкую и глубокую сибирскую р. „Обь“ по мосту немного меньше Волжскаго, на другой сторонѣ станція „Обь“ и новый городъ „Николаевскъ“. На ст. „Кривошеково“ простояли лишнѣхъ два часа, такъ какъ въ „Оби“ собралось уже восемь эшелоновъ и насъ было некуда принять... наконецъ тронулись. Переѣхали р. „Обь“ благополучно, — уже стали свыкаться съ длиннѣйшими мостами и многоводными рѣками, а сначала жутко было! Рѣка очень оживлена, много пароходовъ и баржъ, видимо р. Обь хорошая водная торговая артерія, да еще на самомъ берегу станція „Обь“, — это соединеніе желѣзнодорожнаго и воднаго путей сдѣлало то, что здѣсь образовался торговый пунктъ, теперь уже городъ „Ново-Николаевскъ“ или, какъ всѣ зовутъ, „Никольскъ“. Девять лѣтъ назадъ на мѣстѣ этого города была непроходимая „тайга“, медвѣди, и ни одного дома буквально, а теперь хорошій торговый городъ съ сорока тысячами жителей, чуднымъ соборомъ, еще тремя церквами, прекрасными школами, магазинами... прямо по американски, да и городомъ-то сталъ только съ 15 янв. 1904 г. Городъ очень живописно расположенъ на крутомъ берегу „Оби“. Приѣхали, выгрузились, здѣсь стоимъ двое сутокъ; путей запасныхъ мало, а собралось десять эшелоновъ... что творится на коновязяхъ! Просто ужасъ: двѣ тысячи лошадей собраны вмѣстѣ на веревочныхъ коновязяхъ, ихъ кусаютъ мухи, жара, лошади дерутся, кусаются, ржутъ, визжатъ!.. Здѣсь же работаетъ интендантская ружка, сушильня, вѣялка.—Все шумитъ.

кричить и покрыто тучею пыли—пу картина! что же будетъ да войнѣ?—страшно подумать. Терпѣли, терпѣли солдаты, да и взялись за кнуты, хворостины и пачали строитивыхъ кусакъ и драчуновъ отхлестывать, только этимъ и смирили немного,—послѣ уже только крикнеть солдаты да покажетъ кнутъ—сейчасъ страсти лошадинныя стихаютъ. Вотъ и подите—кнутъ помочь, я самъ свидѣтель, что среди этого ада другого ничего не оставалось дѣлать!.. Къ вечеру выкупали коней, напоили, накормили, спала жара и немного стихомирилось! Боже мой! пѣльныхъ 6 писемъ принесли, изъ нихъ 2 отъ Оли, одно отъ Ник. Якъ; какое счастье увидѣть въ такой дали родной почеркъ, услышать милую рѣчь, говорю: „услышать“, именно такъ: когда читаешь здѣсь письмо съ родины, то въ воображеніи воскресаетъ самый голосъ пишущаго. Слава Богу, Оля бодрится и смирилась. О, если бы это было не въ письмахъ только, но и на дѣлѣ?!.. Конечно, сейчасъ-же отвѣтить... Идетъ подполковникъ 52 полка и говоритъ: „совѣтую пойти въ баню, здѣсь рядомъ хорошая, казенная!“ Вотъ радость-то, я уже собрался было ѣхать въ городъ въ дрянную, грязную баню; конечно, сейчасъ-же съ Мих. пошелъ мыться, дѣйствительно, прекрасная баня и мы вымылись отлично. Вообще на этомъ пунктѣ построено нѣсколько огромныхъ каменныхъ зданій въ два и три этажа каждое; въ нихъ находится: офицерскіе номера, солдатское помѣщеніе, столовая, офицерскія и солдатскія бани, лазаретъ, прачешная, все это даромъ для отдыха и чистки производящихъ войскъ! Спасибо великое устроителямъ сказали мы, да и всѣ говорятъ, конечно, тоже. Солдаты мои что-то расклепились: у Мих. пачипается флюсъ, а Кс. сегодня не будетъ цѣлый день ничего и все его тошнить, но они бодрятся и меня утѣшаютъ, хорошие люди и какіе сердечные, напр. Ксен. потихоньку отъ меня спрашиваетъ Мих. Матв.: хорошо-ли я сплю, ѣмъ-ли, гуляю-ли? Или вотъ еще: вхожу въ большой оставокъ послѣ гулянья въ свое купѣ—смотрю меня цѣлая канцелярія: Мих. и Кс. оба пишутъ письма, спрашиваю: „кому вы это пишете?“ Отвѣтъ: „нашей матушкѣ, она бѣдная навѣрное теперь скучаетъ“. И какія письма, до того сердечныя, утѣшительныя, что, право, слеза пошибаетъ.—Хотѣлось-бы очень здѣсь устроить общій мо-

дебенъ для съѣхавшихся духовныхъ дѣтей и побесѣдовать съ ними, но кажется не придется: такая сутолка, и солдатамъ съ лошадыми и фуражемъ столько возни, что прямо таки и времени не выбрать и людей не собрать! Вообще мое главное дѣло въ пути сводится только на служеніе своему эшелону, а полку всему—служба только домашней молитвой, поминая путешествующихъ духовныхъ дѣтей моихъ и прося имъ отъ Бога прощенія грѣховъ, благоградской помощи въ трудахъ и благословенія. Обѣдалъ въ желванодорожномъ собраціи, послѣ писалъ пѣсьма, допилъ чаю и рѣшилъ покататься верхомъ, порамяться къ Байкалу. Отъ ст. „Иннокентьевской“ прямо пойдѣмъ походомъ три дня, не хочу отставать отъ полка, неловко это во первыхъ, а затѣмъ нахожу нужнымъ совершить этотъ предварительный походъ, чтобы закалиться, приготовиться къ будущему продолжительному Манчжурскому походу. Конечно, за три дня усгану, но затѣмъ въ поѣздѣ отдохну, а все-таки трехдневная проѣздка мнѣ окажетъ огромную пользу въ будущемъ. Сейчасъ слышалъ разговоръ, передаютъ за вѣрное, что первые эшелоны нашего корпуса уже повернули на Владивостокъ, значить мы будемъ дѣйствовать въ Корей.—6 ч. вечера, осѣдлалъ Кс. „друга“ и мы поѣхали: я на „другѣ“, а Ксен. на „закидкѣ“ безъ сѣдла, я рѣшилъ взять его, можетъ быть, протрясется на воздухъ и выздоровѣетъ. Оригинальный костюмъ былъ на мнѣ: на годовѣ Манчжурская шляпа съ назатыльникомъ, волосы заколоты на теменн, такъ что шея оказалась свободной, сверхъ подрясника плащъ,—почти невозможно было узпачъ во мнѣ священника. Въ такомъ видѣ поѣхали мы сначала на рѣку „Обь“ попить лошадокъ, здѣсь около пристали стоятъ пароходъ казенный, на который сѣди наши пѣселники, генераль, офицеры и поѣхали съ пѣсьями кататься по Оби. Это „водяные“, т. е. чиновники по водной части оказали любезность: пригласили нашихъ покататься на ихъ пароходѣ!

И понеслась удалая Черниговская пѣсня во Сибирь надъ водами быстрой Оби!.. Со времянь Ермака не видали видно Сибирь и Обь въ своихъ нѣдрахъ такого молодецкаго войска!! Глядя на пльвшихъ, живо вспомнились храбрые

казаки Ермака Тим., также плывшие добывать славу царю своему и родинѣ по сибирскимъ рѣкамъ и оглашавшіе ихъ дивное такими-же удалыми пѣснями?! Ахъ, пѣсня истинно русская, она какъ и музыка выражаетъ душу народа... слышите, какою широкою волною разливается пѣсня нашихъ эиновъ?! Какая ширь, мощь, энергія въ пѣсняхъ этихъ! Именно только русскіе воины такъ поютъ, въ ихъ пѣсняхъ живо чувствуется безхитрость, простодушіе; вѣра и сила вогушая, именно „долзучая“, непадающая, нетеряющаяся при падающихъ, а идущая все впередъ и впередъ пока не достигнетъ цѣли своей... достигъ и врагъ прощенья, съ нимъ Русь цѣлуется!.. Да, особенно поетъ русское воинство! Грянетъ-ли хоромъ съ бубнами пѣснь военную, заликуетъ другъ — затрепещетъ врагъ; запоетъ-ли хоромъ „Отче нашъ“, — услышитъ Богъ его вѣру и молитву сердечную! Охъ, и люблю же я своихъ воиновъ, съ малолѣтства сталъ любить ихъ, а теперь въ восхищеніи отъ ихъ терпѣнія, безропотности, даже радости, что вотъ де и они „сподобились“ постоить за Русь-матушку, за царя-батюшку; за вѣру Православную“. — Это ихъ слова! Напивши лошадей, я и Ксен. поехали по городу... есть замѣчательные магазины, но въ общемъ молодость еще сильно замѣтна въ городѣ; мостовыхъ нѣтъ, дома многіе разбросаны... впрочемъ, это особенность сибирскихъ городовъ — немошенность; ужъ, кажется, каменъ то подъ рукой, напр. въ Челябинскѣ, а улицы всѣ мощены, даже говорятъ, сама столица Сибири — Иркутскъ, тотъ только два года, какъ вымостили главную улицу, а въ младенца Николаевска-го что и спрашивать?! Во время танца мы увидѣли, какъ пасущаяся корова съ острыми рогами бросилась въ толпу дѣтей и два раза высоко подбросила дѣвочку лѣтъ шести, я думалъ до смерти ее подбодала, нѣтъ, встала и пошла; вѣрно Ангелъ Хранитель допустилъ. Больше часу катались мы. По возвращеніи я выпилъ Ксен. рюмку коньяка и кусокъ ветчины; думаю поспитъ. Выгналъ мухъ. Ложусь.

25-е. Июня.

Утро, стоимъ въ „Оби“. Слышу звонъ въ желѣзнодорожной церкви. поспѣшилъ одѣться и пошелъ къ Бого-

служенію. Пришелъ. еще не начиналась утренняя; простоялъ всю службу, съѣлъ просфоры и пошелъ потихоньку въ свою квартиру—купна. Что сегодня дѣлать? положительно не знаю, зной томительный, хотѣлъ итти на р. Обь, вернулся—нѣтъ возможности. 12¹/₂ ч. дня, пора обѣдать. хочется попоститься эту пятницу; иду въ лавку. гдѣ купилъ себѣ пару чудныхъ копчевыхъ стерлядей за... 25 к., не повѣрилъ, когда сказали цѣну. вѣдь это вкуентѣ сига, впрочемъ, стерляди въ Оби сколько угодно, потому и дешево. Купилъ бѣлаго хлѣба, луку на 1 коп. и пообѣдалъ отлично, вмѣсто горячаго заилъ чаемъ.—Отъ жары расписъ. лежу, постыдно сдавшись и совсѣмъ обезсиленный. Вечеромъ сходилъ на рѣку, полюбовался ея шириною и оживленіемъ, покатався немного на „другъ“. Потомъ встрѣтилъ П., подѣхавшаго съ послѣднимъ эшелонмъ. Какъ пріятно было новидаться съ роднымъ человѣкомъ! Если бы не надпись „Обь“, да не полное отсутствіе родныхъ лицъ, можно было-бы сказать, что мы на „Крючковѣ“ но... на самомъ дѣлѣ въ далекой, далекой Сибири! Попили у меня чайку, подѣлились впечатлѣніями и почти въ часъ ночи улеглись спать!..

26-е Юня.

Плохо что-то сполось, вѣроятно, разволновался свиданіемъ съ П., да и долго воевалъ съ мухами, хотѣлось непремѣнно выгнать всѣхъ до одной, ну и завоевался. Всталъ рано, приготовилъ чай и только что хотѣлъ итти искать П., какъ онъ самъ входитъ ко мнѣ. Попили чай и долго, долго говорили о дорогой родницѣ, милыхъ родныхъ, будущихъ трудахъ, опасностяхъ... возложили упованіе на Бога!

Началась тайга сибирская, мѣстность совершенно измѣнилась, стала холмистая, покрыта сплошь лѣсомъ, деревья уже не чахлая, какъ въ Барабинской степи, а огромной высоты и толстыя.

Встрѣчается много полянъ и овраговъ безъ лѣса, они покрыты густо высокою травой, такой высокою, что коровы видны только наполовину, масса цвѣтовъ разнообразныхъ оттѣнковъ! Воздѣланныхъ полей почти нѣтъ, сель ни одного не встрѣтили до вечера, а лишь при станціяхъ пять десятъ

домовъ новоселовъ-переселенцевъ, еще не устроившихся и не обстроившихся. На ст. „Чабула“ я разговорился съ мужикомъ-переселенцемъ Курской губ. о землѣ,—онъ сказалъ, что землю еще правительство не дѣлило между ними, а падежь каждый, гдѣ хочетъ и сколько хочетъ, также и копать, только деревьямъ безъ разрѣшенія дѣснаго рубить нельзя, да они и боятся уходить далеко въ тайгу, можно легко погибнуть. Солдаты наши купили двѣ косы и косятъ на каждой остановкѣ сѣно, сколько хотятъ. Вотъ въ какую страну пріѣхали, странно даже! Пью безъ конца чай. Мошканы и комары—это здѣшнее бѣдствие; начальники станцій, индуктора, сторожа, рабочіе, всѣ въ сѣткахъ, а бѣдныя лошади прямо мучаются. Купилъ себѣ на одной станціи земляники, поѣлъ и расплатился жестоко, не буду больше ѣсть земляничныя ягоды,—онѣ растутъ на болотистой почвѣ и кажутся вредны.

(Продолженіе будетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

27-е Іюня (воскресенье).

Четыре часа утра (8 по мѣстн.), пріѣхали на станцію „Тайга“, что близъ г. Томска. Ходилъ смотрѣть привокзальную церковь, каменная, но мала чрезвычайно, между тѣмъ, кромѣ большаго числа служащихъ, здѣсь расположенъ довольно большой поселокъ изъ переселенцевъ; замѣчательно, что здѣсь нѣтъ ни одной соломенной кры-

ши. Церковь внутри ремонтируется, службы не бывает. Снапачный сторож—старикъ при этой церкви, оставшой солдатъ; узнавши, что я полковникъ священникъ, онъ воодушевился и сталъ рассказывать, какъ онъ воевалъ въ 1877 г., какъ брали Карсъ и пожалалъ мнѣ, чтобы я на войнѣ подражалъ ихъ священнику;—звотъ у насъ батюшка былъ, какъ луна, а при штурмѣ Карса и въ другияхъ битвахъ всегда съ крестомъ въ рукахъ съ нами идетъ; въ атаку ии, и онъ съ нами, благословить крестомъ насъ, а потомъ крестъ за поясъ, ружье въ руки и пошелъ палить; и славно было биться рядомъ съ нимъ (это было въ Абхазскомъ пѣхотномъ полку)*. Фамилію священника старый вояка забылъ. Я поблагодарить его за пожеланіе, хотя и не согласился съ тѣмъ, чтобы мнѣ нужно было заткнуть крестъ за поясъ и брать въ руки ружье, но не сказалъ этого старому вояку, дабы не погашать его воодушевленія. Пошелъ къ генералу, рѣшили служить обѣдницу на ст. „Судженко“, куда приходимъ въ 9 часъ утра по петерб. времени.—Опять идемъ тайгою... прежде я представлялъ себѣ тайгу чуднымъ лѣсомъ, красивой, но оказалось не то. Мы обыкновенно привыкли видѣть лѣсъ зеленымъ, всякое сухое дерево сейчасъ же убираютъ, а тайга—это дремучій лѣсъ, но перепутанный, т. е. среди зеленыхъ дикъхъ сосенъ, кедровъ, березъ и т. п. растительности находится масса сухихъ деревьевъ, поломанныхъ, обгорѣлыхъ и тутъ же валяющихся, встрѣчаются десятки десятинъ горьлыхъ деревъ.—эта безжизненность, присутствие сунняка, котораго никто не убираетъ, страшно портить общую картину тайги. На одной станціи разговорился съ крестьяниномъ, переселившимся въ 1853 г. жаловался на трудность воздѣлыванія земли, на плохую почву и много земли, да толку мало, замучились пахотой, а родить скудно,—дѣйствительно, встрѣчающіяся воздѣланныя поля—плохи. Поддерживаетъ здѣшній людъ тайга да сѣнокосъ. Приѣхали въ „Судженку“, я принесъ свои иконы въ залѣ 3-го класса да Евангеліе поставилъ и крестъ, сторожъ принесъ 2 к. свѣчу,—вотъ и церковь готова! Собрались генералъ, офицеры и почти весь батальонъ да служащіе,—много богомольцевъ оказалось. Служба, какъ и прежде, прошла очень хорошо, воодушевленно всѣ пѣли, я говорилъ проповѣдь о необходимости честно и

дно исполнять возложенный на насъ Богомъ и Царемъ долгъ, помнить присягу и не только исполнять, какъ приказаніе, но и любить свое дѣло, чтобы совершать его съ сердечностью, безъ зависти и помогая другъ другу! При такомъ исполненіи долга, да къ тому же, если будемъ держать себя въ непорочности,—то Господь, Который укрѣпилъ немощи разслабленнаго, укрѣпитъ и наши слабыя силы и благословитъ усиліемъ наши дѣла! Приложидесь къ кресту... вотъ были рады и съ ободреннымъ духомъ побуждали къ вагонамъ вѣхать къ мѣсту исполненія своего долга!

Мѣстность немного веселѣе, тайга рѣже.

Въ Маріинскъ пріѣхали на два часа раньше расписанія:—вотъ и Сибирская дорога, говорили она плохая, а вотъ за сей поры не только нигдѣ не задержались, но и вѣдьмъ идемъ раньше. Маріинокъ въ унылой мѣстности, двѣ трети жителей евреи, торговля вся въ ихъ рукахъ; никакъ не думалъ я, чтобы въ Сибиря были и евреи, однако города Каинскъ и Маріинскъ почти сплошь населены ими. Здѣсь мы обѣдали, вѣрнѣе ужинали, такъ какъ было уже 7½ ч. вечера. Ложусь.

28-е. Юня. (Сибирская тайга)

Сегодня нечего написать, только одно:—этой природы факто измѣнилась, опять начались горы; встрѣтилъ Саянскаго хребта; тайга продолжается. Къ прежнимъ обѣдамъ прибавилась новая—мошки, да такія павооливныя, что вѣзуть всюду: въ уши, носъ, ротъ, за рукава; всѣ поголовно въ свѣткахъ, иначе гибель. Въ г. Ачинскѣ обѣдали,—остальное по прежнему. Забылъ упомянуть, что всѣ стрѣлочники и путевые сторожа вооружены револьверами, а въ некоторые и винтовками. Никакъ не могу привыкнуть къ адъшему шуму: всегда мнѣ жутко, зыгзаговъ на Сибирской дорогѣ, масса подъемы и уклоны очень кругныя, такъ что побѣдь то летить съ уклона, причемъ наметныхъ ужасныхъ заворотахъ вагоны идутъ прямо бокомъ, то едва, едва ползеть въ горѣ, и солдаты-деньщики прыгиваютъ на булуайки тайги парвать свѣтловъ для своихъ офицеровъ. Вечеромъ разразилась страшная гроза! удары грома были похожи на залпы нѣсколькихъ орудій;—говорятъ, что въ тайгѣ всегда такія ужасныя грозы! Никто не ложился, заперли окна, вен-

тиляторы и съ трепетомъ ожидали ударовъ, вѣдь поѣздъ идетъ, а въ движущіеся предметы молнія особенно любитъ попадать, но Богъ милостивъ—миновало. Ложусь, завтра пужно рано встать, чтобы видѣть Красноярскъ, куда приѣдемъ по петерб. времени въ 3 ч. 15 мин. утра.

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

29-е Іюня.

Встала въ 6¹/₂ час. утра; ѣдемъ по долину между чудными горами, очень похожими на Уральскія, только одна особенность—нѣтъ скаль и правая сторона покрыта лѣсомъ, а лѣвая—голая, ни одного дерева, а все покрыто травой и раздѣлено подъ пашины. Очень красивый видъ имѣютъ эти горныя пашни и огороды, почти до самой вершины расположены они,—и какъ это взбираются туда пахать?!.. Въ общемъ выходитъ, что горы покрыты какъ-бы правильными четырехугольными коврами: зелеными, сѣрыми, желтыми, черными. Есть горы около р. Енисея очень высокія, особенно одна, даже смотрѣть страшно. Тайга и въ горахъ продолжается, но здѣсь деревья гораздо лучше, чѣмъ на равнинахъ: много огромныхъ деревьевъ пихты, сосны и кедровъ. Смотрю на кедръ и вспоминаю Давида, который изъ кедровъ Басанскихъ построилъ себѣ дворецъ... могучія деревья, и на нихъ-то растутъ такіе маленькіе „сибирскіе разговоры“, т. е. кедровыя орѣхи, какъ ихъ называютъ, такъ какъ сибиряки любятъ разговоривать и щелкать эти орѣхи, какъ у насъ сѣмячки. Завидѣлся г. Красноирскъ... не даромъ онъ такъ названъ, дѣйствительно, городъ расположенъ на голыхъ горахъ, которыя лѣтомъ, когда солнце выжжетъ

траву — кажутся красными. Красноярск расположен на берегу многоводной и неимоверно быстрой р. Енисей, такой быстроты течения при огромной ширине и глубине, я и представить себя не могъ, напр. около устьевъ (быковъ) железнодорожнаго моста буквально кишитъ и шумитъ, какъ водопадъ. Городъ снаружи очень красивъ, особенно соборъ и дух. семинарія, но внутри нѣтъ ни одной мощеной улицы, хотя камня тутъ-же пропасть, — такая уже, вѣроятно, у Сибирскихъ городовъ традиція! Поездъ подошелъ къ военной платформѣ, расположенной на самомъ берегу р. Енисей, я взялъ съ собою письма и сѣтку и пошелъ погулять къ рѣкѣ. Сѣлъ на скамеечку на берегу Енисей и сталъ осматривать окрестность: прежде всего направо въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня огромный мостъ черезъ Енисей, длиною безъ двухъ саженъ верста, особенно въ этомъ мосту длинны пролеты, на одномъ пролетѣ помѣщается почти весь самый длинный товарный поездъ, — и такихъ пролетовъ шесть. Направо и лѣво отъ рѣки очень большія горы, между которыми зеленяя долины и на нихъ построены дачи, точно гнѣзда ласточекъ, въ бинокль я насчиталъ такихъ шесть дачъ одна надъ другою, такъ красиво, что не оторвешься! Городъ весь какъ на ладони, къ нему бѣгутъ пароходы и тапуть за собою баржи. Первый разъ въ жизни я видѣлъ здѣсь плоты съ пилеными и колотыми дровами, какъ ухитряются удержатъ ихъ въ деревянной очень рѣдкой рамѣ при быстротѣ течения Енисей — не могу понять!

Прямо предо мною высокая съ острой вершиной гора, „сopка“ по здѣшнему, мнѣ она кажется близкою, но спрашиваю у рабочаго „далеко-ли до нея?“ — отвѣчаетъ: „восемь верстъ по прямой линіи“, — вотъ какъ мы жители равнинъ не привыкли къ горамъ!! Обратнo пошелъ черезъ лагерь Красноярскаго резерв. баталіона, на зеленомъ плацу котораго стоитъ очень красивая часовня. Я присѣлъ на ступенькахъ этой часовни отдохнуть, подошли два унтеръ-офицера, вятые изъ запаса Харьк. губ., разговорились, я объяснилъ имъ ходъ войны и причины ея возникновенія, очень были довольны, да и сами очевидно читаютъ газеты. На мой вопросъ: „что тяжело было вамъ бросать все и идти на войну?“ они въ одинъ голосъ отвѣчали: „конечно, не-

легко, да что-же дѣлать, Государь зоветъ, значить пужно; вотъ теперь здѣсь мы и сами видимъ, что еще много. Ему сюда надо народу, по Сибирь-то уже и ратниковъ собрали. На вапу-то губернію татары и разбойники раньше напали, однако отстояли свою кровію,—теперь тихо, отстоймъ и сейчасъ—послѣ и здѣсь будетъ тихо!“ Я буквально записалъ слова ихъ. Второй звонокъ, садимся въ вагоны, поздравилъ съ днемъ Ангела П. П. Г—а. Служить для эшелона пегдѣ, далѣе до самаго вечера вездѣ по 10 мин. остановки, впрочемъ, только позавчера молились, рѣшили на ходу въ купѣ у генерала отслужить молебенъ, на которой собрать империанниковъ. Тропулись, съ замираніемъ сердца переѣхали мостъ черезъ Енисей и поѣхали долиною между горами.

Отслужили молебенъ и получили приглашеніе мещаника пожаловать вечеромъ въ его купѣ на бокаль шампанскаго и чашку кофе. Съ большимъ интересомъ продолжали путь среди роскошной природы; хотя немного отдохнули душой отъ однообразныхъ равнинъ Барабинской степи.

Чаще стали встрѣчаться села съ церквами, церкви почти всѣ деревянныя и многія убогія, дома-же у жителей порядочные и рѣшительно всѣ крыты тесомъ.

30-е Іюня.

Ночь прошла благополучно. Слава Богу!

Каждое утро благодарю Бога за ночь и немудрено: эти ужасные уклоны и зигзаги, по которымъ поѣздъ бѣшено мчится и при этомъ ужасно стонетъ—оохъ, оохъ, оохъ—прося тормозитъ,—всѣ нервы мои разбиты, сердце замираетъ; вдругъ слетимъ съ рельсъ, вѣдь нашъ поѣздъ 33 груженыхъ вагона; да два паровоза, тормоза могутъ не сдержать и... такъ каждую ночь! Стоимъ на ст. „Иланская“. напило здѣсь чаю; всѣ наши спятъ: не хотятъ признавать мѣстнаго времени, хотя оно уже на 4½ час. перегнало петерб. время. О природѣ писать нечего, все тоже, что и вчера, только больше стало попадаться огромныхъ стройныхъ сосенъ, издали казущихся красными. На ст. „Юрты“

встрѣтили санитарный поѣздъ—125 раненыхъ солдатъ и офицеровъ, зрѣлище поразительное: половина на больничныхъ рубашкахъ имѣютъ георгіевскіе кресты; большинство имѣетъ наружные знаки отъ ранъ: кто безъ ноги, кто безъ руки, у кого обвязана голова и пр., но все имѣютъ бодрый видъ; офицеры совѣтуютъ запасаться теплой одеждой. Хорошо, что я взялъ все теплое съ собою; поѣздъ ихъ отличный: своя кухня, ванная, доктора, сестры милосердія.

Пріѣхали на ст. „Тайтеть“, гдѣ большая остановка. Читаю Добротолубіе и Богослуженіе великаго поста, переведенное на русскій языкъ,—что это за восторгъ, оторваться нельзя, какъ жаль, что нельзя служить по-русски. Такъ устали ѣхать въ вагонъ, что не дождемся Байкала, хотя бы немного поразмяться! Сегодня исполнилось 20 сутокъ нашего пребыванія въ вагонъ,—слава Богу, все было благополучно;—бѣжавшіе въ Омскъ лошади нашлись. Читалъ прекрасное произведеніе іеромонаха Михаила.

Жа в о и н ъ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

1-е Іюля.

Эту ночь мы не ѣхали, а прямо летѣли, паровозы дергали немилосердно, даже вещи падали, и я положительно мучился на ложѣ своемъ! Не говорю уже о томъ, что жутко становится при такой бѣшеной ѣздѣ, но и физическая мука: каждую минуту дергаетъ тѣло, да еще этотъ ужасный угольный дымъ,—прямо закоптились! Когда настало утро, отъ души скызалъ я: „Слава Богу!“ Чего-же достигли такой ѣздой?—На 4 часа раньше росписанія пріѣхали въ городъ Нижнеудинскъ, гдѣ и безъ того 3½ ч. стоянки!—Это машинисты для себя старались: все-таки лишнихъ четыре часа отдохнуть. Генераль вышелъ разсерженный, офицеры тоже, сдѣлали заявленіе начальнику стаяціи, и получили увѣреніе, что дальше этого не будетъ. Дѣйствительно, дальше поѣхали по росписанію.—Мѣстность очень гористая, но г. Нижнеудинскъ лежитъ въ долинѣ, на берегу очень быстрой горной рѣки Уды, чрезъ кототорую перекинуть длинный мостъ въ четыре пролета. Дно рѣки каменистое, и вода до того прозрачна, что съ высоты моста можно считать камни

*) Древняя евхаристическая молитва. См. „Ученіе 12 апостоловъ“.

на днѣ; быстрота теченія ужасающая; кондукторъ-же говоритъ, что это еще мало воды, а вотъ скоро вода начнетъ сильно прибывать, когда солнышко пригрѣетъ, и снѣгъ начнетъ таять въ горахъ! Совершается такимъ образомъ совершенно обратное нашему рѣчному положенію: у насъ чѣмъ жарче, тѣмъ воды въ рѣкахъ меньше, а здѣсь наоборотъ—тѣмъ больше! Городишко плохое, весь деревянный, только двѣ церкви; это уже пачалась Иркутская губ. Здѣсь мы простояли 8 часовъ, купали коней, солдаты пообѣдали, да и мы успѣли и утренній чай попить, и пообѣдать. Въ 12½ час. дня (по мѣстному въ 5 ч. вечера) тронулись дальше въ глубь Сибири. Опять потянулась тайга, горы стали уходить назадъ и теперь кажутся синими облаками; ѣдемъ среди долинъ и холмовъ, покрытыхъ хвойными лѣсами. Чаше стали попадаться хуторочки—это переселенцы семей по 5—10 поселились, получили по 15 десятинъ на душу и теперь подъ нашими выкорчевываютъ пни, жгутъ ихъ, такъ что среди лѣса близъ хуторовъ разбросаны воздѣланные маленькіе участки земли. Встрѣчается много березъ, но какъ жалокъ ихъ видъ: половина ствола красная, съ него ободрана кора, изъ которой крестьяне дѣлаютъ коробки для хлѣба, ящъ, даже кроютъ крыши. Просто варварство: березы послѣ такой операціи еле-еле влачатъ существованіе, болѣютъ!

2-е Юля.

Утро чудное, недавно дождь былъ, ни пылинки, ярко сіяетъ солнце, зеленѣетъ трава, вѣтеръ прохладный... Слава Богу, сегодня очевидно будетъ не такъ душно: это замѣтно по вѣтру, а то и мы и лошади замучились. Мѣстность холмистая, на горизонтѣ горы. Чаше стали попадаться населенныя мѣста, даже большія села съ хорошими церквами, и что особенно замѣчательно.—это въ каждомъ порядочномъ селѣ видна пожарная колокольня. И дороги хорошія. Косить сѣно. За ст. „Впую“ перѣехали по огромному мосту р. „Оку“. Какое совпаденіе съ нашей орловской рѣкой, но только сибирская Ока гораздо лучше орловской. Виды по берегамъ прекрасныя. Устали ѣхать, уже въ дорогѣ 22 дня.

3-е Юля.

Проснулся на ст. „Половина“, всталъ и уложилъ последние вещи. Опять перѣехали два большихъ моста черезъ

рѣки „Бѣлую“ и „Китай“,—вотъ какъ Сибирь богата рѣками, огромными мостами; стали привыкать, а сначала поражались. Сейчасъ копецъ первой и большей части желѣзнодорожнаго пути и „начало болѣзней“, т. е. три дня пути походомъ. Думаю непременно ѣхать съ полкомъ въ двуколкѣ и верхомъ,—попробую разные способы ѣзды, чтобы для настоящаго похода выбрать удобѣйшій. Ст. „Иннокентьевская“... пріѣхали во время, насъ здѣсь выгрузили, и отсюда уже походомъ. Жара такая ужасная, что говорить, доходитъ, до 40° и 45°. Верстахъ въ двухъ отъ станціи ярко блеститъ на солнцѣ крестъ Иннокентьевскаго монастыря, гдѣ почиваютъ мощи первосвятителя Иркутскаго. Величественный монастырскій соборъ особенно рѣзко вырисовывается на синевѣ близъ лежащихъ горъ: хотѣлъ съѣздить, но нужно укладывать двуколку. Рядомъ съ воинской платформой находится нѣсколько двухъэтажныхъ каменныхъ зданій, въ которыхъ находятся номера для пріѣзжающихъ офицеровъ, бесплатно; столовая офицерская съ обѣдами изъ двухъ блюдъ—40 к., и помѣщенія для солдатъ. Въ баю не успѣлъ пойти, такъ какъ комендантъ объявилъ, что по новому росписанію мы должны выступить изъ Иннокентьевской сегодня-же въ 6 ч. вечера.

Вдали въ сипей дымкѣ виднѣется Иркутскъ со своими многочисленными храмами. Поосѣдалъ въ офицерской столовой, затѣмъ купилъ Японско-Корейскій словарь и возсѣлъ на кресло въ свою двуколку, рѣшилъ первый переходъ совершить въ двуколкѣ; кресло удобное, но кидаетъ немилосердно, много очень придется перетерпѣть, но... Богъ милостивъ, привыкну. Штандартъ и трубачи впереди, мы въ серединѣ, съ боковъ и сзади вооруженные караульные солдаты, заиграла музыка, и мы выступили въ походъ, дрогнуло сердце... походъ!—Пыль невообразимая, ну что дѣлать?—смиряться; волоса заколочь подъ шляпу и усердно глотаю тучи пыли; скоро мы потеряли совершенно человѣчскій образъ и обратились въ какихъ-то эфіоповъ! Приблизились къ Иркутску, переѣхали красавицу Ангару, проѣхали мимо вокзала и поднялись на высокую гору, спускъ очень опасный, едва не разбилась офицерская кухня; мы спустились благополучно, но страху набрались порядочно! Окрестности

все покрыты лѣсами. Спустившись съ горы, на лужайкѣ, среди лѣса мы увидѣли развѣвающійся флагъ, большой столъ, накрытый бѣлой скатертью съ вилами, закусками. По сторонамъ стола два костра; картина дивная,—это уполномоченный Великой Княгини Елизаветы Ѳеодоровны г. Второвъ угощалъ насъ; выпили вина, закусили, послали Великой Княгинѣ телеграмму. Простояли до двухъ часовъ ночи и на разсвѣтъ тронулись въ путь. Глазъ не пришлось сомкнуть даже на одну секунду.

4-е Юля.

Какъ я уже сказалъ, въ 2 ч. ночи тронулись далѣе. Ѳдемъ среди лѣсовъ по хорошей выровненной и широкой дорогѣ, такъ называемому „большому Сибирскому тракту“. Вся Сибирь, вслѣдствіе отсутствія жел. дор., перерѣзана въ разныхъ направленіяхъ „трактами“ въ родѣ нашихъ большихъ дорогъ, только лучше содержимыми, а одинъ трактъ, который идетъ отъ границы Европы черезъ всю Сибирь непрерывно, такъ и называется „большой“; теперь онъ главное значеніе потерялъ, благодаря проведенной параллельно съ нимъ желѣзной дороги, и имѣетъ значеніе только мѣстное. На всѣхъ стоянкахъ черезъ каждые 20 верстъ построены станціи съ большими комнатами для проѣзжающихъ и запасными лошадьми. Ѳдемъ горами, да какими—двѣ, три версты подъемъ,—это еще мплость, а то вотъ семь верстъ непрерывно поднимались, затѣмъ спуски не лучше подъемовъ; приходится тормозить, иначе лошади не сдержатъ. Лѣса вполиѣ дѣвственные, къ нѣкоторымъ мѣстамъ никогда не пробраться по крутизнамъ, да и по сторонамъ дороги, едва шагнешь нѣсколько шаговъ и баста,—дальше нѣтъ возможности двигаться: навалены сухія и павшія огромныя деревья, переплелись вѣтвями какія-то ползучія растенія, но красота, красота какая! не оторвешься. Вотъ поднимаемся въ тору, осталось два, три зигзага, лошади выбились изъ силъ, становятся... раздастся команда „стой, подложи подъ колеса камни!“ стали передохнуть, а я бѣгу впередъ, туда, на вершину!... На подъемѣ впризу все какъ-то сдавливаетъ грудь, какъ будто горы сжимаютъ, кажется, вбѣгу и надышусь полной грудью... Я на вершинѣ, воздухъ утренній чистъ и свѣжъ, вѣтерокъ обдуваетъ уставшее тѣло... дыщу,

дышу.... Но видъ открывшіяся прямо чудесенъ: узенькой ленточкой зигзагами вьется подъ ногами дорога туда внизъ, далеко, далеко, и не видно конца, а вдали снѣга горы, горы... своими очертаніями и зеленью, мѣняющимися по мѣрѣ прохожденія, онѣ составляютъ все разныя картины и не прозвоятъ однообразнаго впечатлѣнія. Крещусь..., внизу среди горъ, у подножія высокой горы, на берегу чистой и быстрой рѣки Иркутъ, заблестѣлъ крестъ на церкви... Село Введенское, гдѣ, по расписанію, паша первая остановка! Пройдено 31 вер.: въ 5½ час. утра подѣхали къ конюшнямъ! Все и всѣ устали, не спали и... и все таки вездѣ смѣхъ, шутки, прибаутки.—что это за солдаты наши?!.. Рядомъ съ конюшнями пять огромныхъ деревянныхъ бараковъ съ нарами у стѣнъ для солдатъ, есть одинъ баракъ офицерскій. Я не пошелъ въ баракъ и рѣшилъ особенно не распаковываться, такъ какъ сегодня же въ 3½ ч. выступаемъ далѣе! Подошелъ комендантъ, познакомились, очень совѣтуетъ прямо идти купаться „у насъ вода—кристалъ“, говоритъ онъ! Только выкупался, какъ зазвонили въ церкви, и я пошелъ прямо въ храмъ. Иду по селу—богатое, не говорю уже про крыши тесовыя, дома-то построены изъ толстѣйшихъ бревенъ и многіе съ затѣйливыми рѣзными украшеніями. Оказывается, жители землю не занимаютъ, а главное ремесло ихъ—сплавъ лѣса, извозъ и охота. Церковь деревянная, небогатая, что стыдно богатымъ жителямъ, но чистая и свѣтлая. Особенно меня поразило, что церковь внутри вся оклеена кожными, шпалерами и притомъ разныхъ цвѣтовъ, т. е. трапезная—одного, главная—другого. Служилъ молодой священникъ, въ утрени не было ни одного человѣка, у обѣдни—15 человѣкъ. Пошелъ во время утрени въ ограду, смотрю—свѣжая могила, вся роскошно убрана цвѣтами; подходит старушка... познакомились, она оказалась выходящей изъ Орловской губ., ея братъ діаконъ въ 1-омъ Орл. Дух. училищѣ, служилъ иногда и въ нашей церкви..., вотъ уже никогда не думалъ, чтобы въ глубинѣ Сибири, въ Забайкальѣ, встрѣтить пришлось земляка. Разговорились, оказалось, что это ея сынъ здѣсь священникъ, и въ этой могилкѣ похороненъ ея ввукъ семилѣтній, единственный сынъ у родителей. Очень усердно просила меня зайти

къ нимъ послѣ службы. Во время литургіи на клиросѣ пѣли матушка съ племянницей. Приняли меня земляки такъ радушно, что и высказать невозможно; былъ, какъ въ родной семьѣ,—напоили чаемъ, накормили, много рассказывали о Сибири, какъ о благодатной странѣ, очень сокрушались, что въ Россіи пренебрежительно отзываются о Сибири, ея населеніи и природѣ. Да, пренебрежительно, но именно по невѣдѣвію;—въ Сибири дѣйствительно, хорошо и люди радужные, и природа великолѣпная, кромѣ нѣкоторыхъ частей Барабинской степи, да то потому, что она не воздѣлана. Батюшка проводилъ меня до двуколки. Зашелъ въ баракъ, на доскахъ разослалъ накидку, подрясникъ положилъ подъ голову и „сладокъ былъ отдыхъ на доскахъ тяжелыхъ“... —часокъ поспалъ. Всталъ въ 2 ч. дня, умылся, пошелъ на кухню и попросилъ у солдата изъ котла щей, поѣлъ и въ 3½ ч. поѣхали дальше. Подъемъ версты въ три былъ такъ крутъ, что нѣкоторыя двуколки тащили на рукахъ. Я версть пять шелъ пѣшкомъ, а остальные 11 верстъ ѣхалъ верхомъ. По дорогѣ иногда встрѣчаются кресты—это путники умершіе или убитые на тракѣ. Между прочимъ говорятъ, что Кругобайкальскій трактъ строили каторжники и между ними „Декабристы“. Пріѣхали на ст. „Моты“,—я устроился въ офицерскомъ баракѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

На войнѣ.

Дневникъ священника 51-го Черниговскаго драгунскаго полка о. Митрофана Васильевича Серебрянскаго.

Часть первая.

Изъ Орла въ Манчжурію.

(Продолженіе).

5-е Іюня.

Сегодня мы выступили въ походъ послѣ обѣда, въ 3 часа по-полудни. Я сѣлъ на „Друга“, сначала держался порядкомъ, т. е. ѣхалъ за своей двуколкой, а потомъ выѣхалъ впередъ: лошадь идетъ хорошо, сначала ноги у меня болѣли, теперь стали втягиваться. Нужно проѣхать 21 версту — съ горы на гору. Подъемы и спуски еще длиннѣй и круче, чѣмъ вчера, ни одного аршина ровнаго вѣтъ: лошади выбиваются изъ силъ, а въ 5-мъ эскадронѣ лазаретная линейка и весь обозъ остановились, не доѣхавъ семи верстъ до почлега, потомъ послали почтовыхъ лошадей выручать ихъ. Почти рядомъ съ дорогой виденъ грандіозный пожаръ.

Благодаря массѣ павшихъ сухихъ деревьевъ пламя бушуетъ цѣлымъ столбомъ, и огненные языки высоко поднимаются къ небу; смолистый дымъ бьетъ глаза. Бѣда пробѣжали. Дальше открылись такіе чудные виды, что и описать невозможно! Какъ только вѣдемъ на переваль, такъ и замремъ, невольно остановимся: горы, горы, море горъ, совершенно, какъ будто когда-то взволновалась почва здѣсь, образовались огромныя волны, да такъ и застыли. Горизонтъ открывается огромный, горы вокругъ насъ, подъ нами и вдали синѣють, сливаясь съ облаками! Мы даже поспорили—я говорю, что видны облака, а спутники отрицали это, и они оказались правы... Я бодро ѣду и нахожу, что этотъ способъ ѣзды гораздо лучше, чѣмъ въ двуколкѣ. Приѣхали въ с. „Глубокое“, здѣсь почлегъ; намъ отвели громадный флигель, гдѣ мы расположились очень удобно. П. добрая душа, приготовилъ и предложилъ намъ горячій ужинъ—супъ, и мы пользовались изъ солдатскихъ котловъ на славу!—Но какая картина передъ нашими глазами: въ котловнѣ между горами и на полугорѣ расположилось 1800 лошадей и людей... море лошадей, масса костровъ, точно звѣздочки... Пѣсни... вдругъ все смолкло... труба заиграла „зоро“, и понеслась по нашему огромному лагерю священная пѣсь-молитва: въ одномъ концѣ „Отче нашъ“... въ другомъ раздается: „да будетъ воля Твоя“... въ третьемъ—„Побѣды на сопротивныя даруй!“... Въ каждомъ эскадронѣ отдѣльно! Внепчатѣннѣе грандіозное!! Долго, долго смотрѣли мы все съ балкона барака на это выходящее изъ ряда вошь зрѣлище! Завтра еще 24 в. по горамъ и опять желѣзная дорога.

6-е Юля.

Какъ легъ, такъ и заснулъ моментально.—вотъ что значить „моціонъ“ то верховой! Хорошо спалось... слышу голосъ Б.: „четверть четвертаго, пора вставать!“ Сейчас же все встали, вышли изъ флигеля: все еще покрыто утреннимъ туманомъ, лошади осѣдланы, похраниваютъ, лагерь еще спитъ. Лошади стоятъ, опустивъ головы, а солдаты спитъ у нихъ—нодь мордами прямо на земль. Еще разъ полюбовались—опшнми горами. Солнышко выходитъ и, разгоняя туманъ, золотитъ ихъ вершины... Не знаю отчего, но горы окрашены въ разные тоны—синія, зеленая, желтоватыя,

дымчатая... все это вместе сливается въ общую картину, представляетъ прекрасное зрѣлище. Казаки предупреждаютъ, чтобы мы остерегались отъѣзжать далеко отъ своего эшелона; они говорятъ, что иногда медвѣди выходятъ и днемъ на дорогу и сидятъ на ней, цѣлуютъ на солнцѣ. Одинъ казакъ говоритъ, что онъ встрѣтилъ трехъ! Сейчасъ офицеръ Нѣжинскаго полка рассказываетъ, что они сегодня на походѣ днемъ видѣли недалеко отъ дороги медвѣдя, а жители селенія очень жалуется, что медвѣди часто посѣщаютъ ихъ огороды и давятъ коровъ. Вообще звѣри разнаго въ этой тайгѣ, которая отъ Перми до Манчжурин—масса: медвѣди, лоси, кабаны, соболя, бѣлки, волки, горностан, серны, дикія козы, тетерева, фазаны, рябчики, утки и проч. и все, это въ такомъ множествѣ, что охотой кормятся буряты и русскіе, населяющіе добрую половину Забайкалья. Мѣстные жители занимаются исключительно почти скотоводствомъ, при чемъ разводять „Яковъ“—быковъ и коровъ съ лошадиными хвостами, главное достоинство которыхъ въ томъ, что они зимою сами добываютъ себѣ пищу, разбивая снѣгъ, и даютъ молоко очень густое, точно сливки, хотя немного, не больше одной бутылки съ удою; мясо ихъ вкусное.—Буряты не сѣютъ, не жнутъ, не собираютъ никакихъ запасовъ на зиму. Кромѣ скотоводства и лѣснаго промысла, жители почти поголовно охотники; у каждаго двѣ, три собаки и щенки, въ разные времена года охотятся на разнаго звѣря: „ходить“ на медвѣдя, кабана, соболя, (шкурка котораго стоитъ на мѣстѣ отъ 25 до 150 руб.) на чернобурую лисицу и проч. Осодотиться бы можно на этихъ мѣстахъ населенію, но водка и тутъ дѣлаетъ свое дѣло: какъ только, особенно Буряты, выѣзжаютъ на соболя и чернобурую лису.—купцы съ запасами водки ѣдутъ въ тайгу вслѣдъ за ними и, спавшая охотниковъ водкой, за ничтожную цѣну покупають дорогую пушнину!

Вотъ вдали завиднѣлся Байкаль, а за нимъ горы еще выше, и облака бѣгутъ по ихъ вершинамъ, а ниже тоже курятся горы. Съ 15 іюня горы покрываются уже снѣгомъ. Н. В. указываетъ мнѣ на кедры, высокіе, пушистые и шишки уже большія: чрезъ мѣсяць начнется промыселъ—добываніе кедровыхъ орѣховъ! Последний спускъ

къ „Култукку“ прямо ужасень— болѣе трехъ верстъ, едва спустились!.. Ну, опять рельсы и вагоны завидѣлись на самомъ берегу озера-моря. Солдаты хотѣли было купать лошадей, но это оказалось невозможнымъ: вода—ледь. Рыба водится только въ двухъ видахъ и то не особенно большая, благодаря необычайной холодности воды. Глубина озера весьма велика—до 3-хъ верстъ, а около села Лиственнаго не могли достать дна. Сейчасъ садимся и ѣдемъ прямо по берегу Байкала: слѣва вода, а справа огромныя горы. Сохрани насъ, Боже! Итакъ и я совершилъ походъ въ 96 вер., изъ которыхъ 31 версту проѣхалъ на двуколкѣ и нашелъ это неудобнымъ, 4 версты прошелъ пѣшкомъ и 61 вер. проѣхалъ верхомъ, и это самый удобный способъ ѣзды въ походѣ. Эти пройденныя версты по высокимъ горамъ вполнѣ равны нѣсколькимъ сотнямъ верстъ ровной дороги. Много лошадей оказалось набито, повозка 1-го эскадрона на спускѣ перевернулась, сорвавшись съ тормоза и раздавила солдата — черепъ греснулъ. Понятно, что и лошадь покалѣчилась. Мы ѣхали вскорѣ послѣ этого и какое грустное зрѣлище: около телеграфнаго столба лошадь, половина головы ея въ крови, разбита, переднія ноги набиты, не держатъ, и она въ изнеможении стоитъ, навалившись грудью на подставку столба, съ цею фельдшеръ, а бѣдный ея разбитый хозяйничь-солдатъ положенъ въ больницу, умираетъ, безъ сознанія... Жутко, это первая жертва войны. Въ Култукѣ запасали фуражъ, сѣно—1 р. 50 к. пудъ, овесъ до 3-хъ руб. пудъ. Холодно, съ Байкала всегда дуетъ холодный вѣтеръ.

7-е Юля.

Всталъ въ 6 ч. утра, ѣдемъ чудной, по крайне опасной дороге: берегъ Байкала.—это огромнѣйшія сплошныя горы, скалы, состояція на половину изъ мрамора: вотъ на боку то этихъ скалъ пробита динамитомъ узкая ленточка —полотно желѣзной дороги. Аршина на 4—5 въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отъ полотна—воды Байкала, шумъ волпъ изъ вагона не только ясно слышенъ, но даже громче шума поѣзда... Однажды на лицо мое упало нѣсколько брызгъ отъ волпъ. Холодно на улицѣ и въ вагонѣ,—отъ Байкала, что отъ ледника дуетъ... Жители говорятъ: „у насъ вся погода отъ моря зависить: съ Байкала вѣтеръ, значитъ холодно!“ почему же?

„Да, во-первыхъ, потому, что въ него впадаетъ множество горныхъ рѣкъ и потоковъ ключевыхъ, и самъ онъ имѣетъ массу ключей, а, во-вторыхъ, ледъ опускается и находится въ водѣ моря очень долгое время“. Дѣйствительно, на горахъ въ бинокль и простымъ глазомъ видно очень много снѣга, онъ таетъ и по рѣчкамъ и ручьямъ сбѣгаетъ въ Байкаль. Сегодня холодно, вѣтеръ съ озера, т. е. вивать съ „моря“ и извиваюсь, потому что Сибиряки кровно обижаются, если Байкаль назвать озеромъ. „Какое это озеро“, говорятъ они: „вы, вѣрно, не знаете его размѣровъ? вѣдь оно въ длину 800 в. и въ ширину отъ 45 до 180, при глубинѣ до 4-хъ верстѣ. Нѣтъ, это наше море“. Бурята даже называютъ его „священнымъ моремъ“, такъ какъ оно совершенно чисто и все постороннее, попадающее въ него, выбрасываетъ вонъ. Байкаль, особенно для Бурятъ,—живое, одухотворенное существо: „Онъ, т. е. Байкаль бываетъ добрый когда кормитъ людей рыбою, поитъ скотъ и звѣрей своею водою, звѣрей, охота на которыхъ есть главное подспорье ихъ, онъ позволяетъ плавать ихъ лодкамъ, онъ доставляетъ имъ и скоту ихъ прохладу среди лѣтняго зноя, онъ... да пѣть“... махнеть рукой скуластой бурятъ съ трубкой во рту, „не перечтешь, какой Онъ добрый... Ну, а бывасть, Онъ сердаетъ... кругомъ все тихо, ни вѣтерка... вдругъ, какъ зашумитъ, какъ зареветъ Онъ, какъ пойдутъ по немъ волны горами, такъ страшно на берегу стоять, а уже не дай Богъ быть въ это время въ лодкѣ!“ (Озеро волнуется отъ вулканическихъ причинъ). За то Бурята и чтутъ Байкаль, именно, какъ живое существо: они ежегодно 9-го юля на берегахъ его совершаютъ въ честь своего „священнаго моря“ разныя религіозныя церемоніи, надѣваютъ маски, жгутъ костры, прыгаютъ черезъ огонь, обливаются, даже кунаются, хотя вода 4—5°. Подробно не могу описать этого праздника, не успѣвъ хорошо распросить. Населеніе пошло почти сплошь бурята, снаружи истые монголы, и грамота у нихъ монгольская, многіе носятъ косы, только головы ихъ гораздо скуластѣй и шире китайскихъ. Вѣдемъ по участку „Култукъ—Танхой“, еще не открытому для движенія, ходятъ только воинскіе поезда: по такой дорогѣ проѣхали мы 110 верстѣ. Слышны частые взрывы на подобіе пушечныхъ зал-

повъ,— это динамитомъ рвутъ скалы для полотна дороги по берегу Байкала. Кругобайкальская дорога 250 в. и на посылбныхъ 100 в. прорыто 37 тунелей, не говоря уже про громадные коридоры. Одинъ тунель пробъязали мѣ, онъ пробить въ скалѣ изъ бѣлаго мрамора, отлично обдѣланъ, небольшой. Я подошелъ къ окну... волны ревуть и мчатся прямо на насъ, точно гидры стоголавныя, разинувъ пасти, чтобы поглотить насъ, и сойдн позадъ съ рельсъ,—мы ихъ неотъемлемая добыча! Види́ются въ туманѣ горы противоположнаго берега, на видѣ вереть десять, на самомъ дѣлѣ —пятьдесятъ. Вотъ изъ воды выдѣляется огромный камень, на немъ сидитъ цѣлая стая чаекъ, сидитъ покойно, не взирая, что вокругъ бѣшено ревуть и пѣются, разбиваются о камни волны. О, если-бы и намъ покойно и твердо сидѣть на камнѣ *втры* среди бушующихъ волнъ—бѣдъ, скорбей и сомнѣній житейскаго моря!.. Горе намъ малодушнымъ!!..

Ст. „Мурнино“, хочется ѣсть, купилъ три яйца за 15 коп., это еще милость, а на Пасхѣ стоили 70 коп. десятокъ. Ст. „Выдрино“, при ней новая церковь, идемъ смотрѣть, сторожъ открылъ намъ двери и мы вошли: хорошая, свѣтлая церковь, особенно поразила насъ чудный запахъ, наполняющій весь храмъ. Мы удивляемся, по сторожъ объясняетъ, что въдь церковь вся построена изъ кедра. Поблагодарили сторожа,—третій звонокъ, и мы поѣхали къ „Танхою“, куда и прѣехали въ 6 ч. вечера. Съ утра мы и солдаты ничего не ѣли, буфетовъ, конечно, нѣтъ, на Танхоѣ тоже горячаго не достать, вся надежда на котель солдатскій. Встрѣтилъ комендантъ, бравый капитанъ, и мы пошли на кухню „пробовать“ пищу: пошли всѣ; т. е. 11 человекъ во главѣ съ генераломъ, я тоже взялъ за голенище свою ложку! Хорошо бы было, если на войнѣ всѣ такъ дружно и храбро бросались на врага, какъ мы обрушились на огромную миску супа и каши?!. Въ 10 минутъ поразили врага до тла, но новыя подкрѣпленія и подкѣли—вторая миска супа и каши—сразили и ихъ: поблагодарили коменданта и пашли пищу хорошей. Въ это время комендантъ говоритъ намъ: „у насъ есть барачная церковь, сейчасъ идетъ тамъ служба, не хотите-ли помолиться?“ Съ радостью всѣ мы и часть солдатъ нашего эшелона пошли къ Богослуженію.

Церковь очень хороша... это опять забота доброй нашей Великой Книгиши—я жертва Служилъ священникъ, студентъ академіи, а другой студентъ за неаполитаника; хорошо прошла служба, съ удовольствіемъ всё молились. После всенощной заходить къ батюшкѣ по его просьбѣ, попили чаю, побесѣдовали: жалуются, что мало солдатъ проходящихъ эшелоповъ заходятъ въ ихъ храмъ, и что первоначальная идея служить воинамъ, идущимъ на войну, не оправдалась, а служатъ они больше желѣзнодорожнымъ служащимъ и мѣстнымъ жителямъ.

8-е Июли.

Ночью встаю еще разъ полюбоваться Байкаломъ. Завтра его уже не увижу, не услышу шума его волнъ, а *Она* сегодня сердитый! Есть что-то притягательное въ водной стихіи... какъ на пылающей костеръ, такъ и на бушующій Байкаль я могу смотрѣть цѣлыми часами... что-то пріятное и вмѣстѣ щемящее чувствуетъ въ груди, какое-то подсасываніе... эти волны... такъ и манять къ себѣ! Счастливыя чайки, на своихъ широкихъ крыльяхъ онѣ могутъ полетѣть туда, на средину моря, гдѣ волны, что горы!... Путешествіе по кругобайкальской дорогѣ я называю сухопутно-морскимъ: сидишь въ вагонѣ—на сушѣ, а рядомъ мчатся грозныя волны, ревутъ и почти брызжутъ въ лицо! Ночью было переселеніе: на ст. „Мысовая“ въ 2 ч. ночи. Прицѣпили къ намъ еще вагонъ 1-го кл. и генералъ со своимъ штабомъ перебрался туда, а мы размѣстились въ своемъ вагонѣ попросторіѣ. Улеглись всё только въ 5½ час. утра, посему встали въ 12½ час. дня (я въ 8 ч. утра), пока одѣлись—два часа, служить уже некогда; слава Богу, что удалось вчера побывать за всенощной. Въ Верхнеудинскѣ я обѣдалъ. Городъ очень хорошій, много церквей, стоитъ на берегу хорошей рѣки Уды—верхней, которую переѣхали по огромному мосту: вообще въ Забайкальѣ и Манчжуріи много мостовъ—все рѣки и рѣки. ъдемъ долиной между горами; этотъ ландшафтъ уже сталъ надобдоть намъ, жителямъ равнинъ!

Въ „Щегровскій Заводъ“ пріѣхали въ 9 ч. вечера, уже темно, очень красивое зрѣлище представляетъ собою заводъ ночью... Доменныя печи выбрасываютъ массу пламени, еще чернѣе дѣлается ночь, еще ярче блеститъ огонь, клубы

дыма вертятся въ пламени, какъ демоны, получается что-то фантастическое! Замѣчательное лицо—проводникъ нашего вагона— вотъ его послужной списокъ: быть въ Иркутскѣ приказчикомъ, плавать на судахъ Добровольнаго флота, въ память чего имѣеть татуировку на рукѣ—якорь, служить въ труппѣ артистовъ, пѣть куплеты и декламировалъ и, наконецъ, истощникъ, и теперь часто раздается его пѣніе, съѣхъ смѣшить до упаду!

9-е Июля.

Утро. Ст. „Моционъ“... и населеніе бурята и названіе станцій бурятское: Саходо, Хушенга, Харангунъ и пр. Только что спустились съ Байкальскихъ горъ, какъ снова подъемъ на Яблоновья. На спускѣ съ хребта, черезъ который прорытъ туннель, стоитъ ст. „Яблоновая“, очень красиво убранная цвѣтниками, бесѣдками, павильонами, фонтанами, но плодоваго дерева ни одного! Въ этой странѣ ни яблонь, ни грушъ, ни вишенъ нѣтъ, не вырѣваютъ. Со ст. „Моционъ“ до Читы со мной въ купѣ ѣхала барышня девяти лѣтъ, дочь мѣстнаго священника, такая милая дѣвочка, всю дорогу мнѣ рассказывала разныя разности. Природа прежняя, только интересень подъемъ на Яблоновый хребетъ и путь черезъ туннель, въ которомъ мы были въ полной тьмѣ, такъ что я зажигалъ спичку. На этой сторонѣ туннеля написано большими черными буквами: „къ *Великому Океану*“, а на другой—„къ *Атлантическому Океану*“. Предъ самой Читой проѣзжали по берегу интереснаго озера „Кинюнь“, рыба котораго, преимущественно караси, не съѣдобна, полна глистовъ, и люди, поѣвши ее, болѣютъ. Озеро имѣеть въ длину верстъ 5, а въ ширину 1 версту. Въ Читу пріѣхали въ 9½ ч. вечера, темно, города не видно. Здѣсь меня встрѣтили пять кондукторовъ изъ Орла, просили благословить ихъ, взанмая радость была большая. Земли Забайкальскихъ казаковъ пошли.

10-е Июля.

Утро, ст. „Адриановка“, —встрѣдять меня оберъ-кондукторъ Илья Сорокинъ изъ Орла, мой духовный сынъ, расцѣловались, поговорили, пили чай. Онъ взялъ у меня корзину съ лишними вещами и проводилъ три станціи. Перѣздъ былъ очень интересный: поднимались зигзагами и петлями на гору и также спускались, такъ что буквально было три

пути параллельно одинъ другому. Съ этого ужаснаго пути на которомъ нѣсколько огромныхъ корридоровъ, ѣдемъ по длиннѣйшей долинь, покрытой травой, на гдѣ пасутся безчисленныя стада коровъ, овецъ, лошадей и верблюдовъ, принадлежащихъ бурятамъ. На ст. „Оловянная“ обѣдали въ 5 ч. вечера. Завтра утромъ „Манчжурія“, надо лечь пораньше, перегрузка. Прощай, милая, дорогая Россія, святая родина, когда ты еще увидишь тебя? Спаси и сохрани насъ. Боже!
